

КСЕНИЯ ИВАНОВА

ОТБОР ДЛЯ СЛЕПОГО

Ксюша Иванова

Отбор для Слепого

<https://litres.ru/74212563>

Аннотация

- И что, по вашему мнению, случилось со мной во время последнего выступления? - Тебя вычерпали. Опустошили. И если подобное будет повторяться, тебя надолго не хватит. - Опустили? - звучало неправдоподобно. - Силы выпили, что ли? Как вампиры? - Можешь смеяться, но поверь мне, я знаю, о чем говорю. - Ну, допустим. И что же мне сделать, чтобы этого избежать? В чем мое лекарство? - В женщине. Что? Я подумал, что ослышался. В какой женщине? В проститутке что ли? Или в экстрасенсе, вроде Таисии? - У меня есть Таисия. - Она - твой щит. Но не станет резервом. Она не сможет тебя подпитать, даже если захочет. Тебе нужна своя. Такая, чтобы любил.

Содержание

1. Трудное решение для Слепого	4
2. Знакомство. Милана	12
3.	19
4.	25
5.	30
6.	34
7.	40
8. И Зверь в помощь...	46
9. Когда не спится.	53
10. Невеста №2	58
11. Как избавиться от невесты.	68
12. Невеста №3	72
13. Слепой в раздумьях.	77
14. Невеста №4 ?	83
15.	91
Конец ознакомительного фрагмента.	96

1. Трудное решение для Слепого

За закрытой дверью Давид возмущался, нервничал и, во что бы то ни стало, не желал пускать кого-то. Я слушал, не напрягаясь. Но вовсе не потому, что дверь была тонкой, а слышимость в результате этого, хорошей. Я слушал потому, что ХОТЕЛ услышать этот разговор. Незнакомый человек красивым бархатным голосом уговаривал спокойно, казалось, на одной ноте:

- Мальчик, не закрывай путь тому, кто сильнее.
- То есть ТЫ сильнее меня? - в голосе Давида слышалась насмешка. Уж он-то знал, что во всем городе соперничать с ним в силе могли всего лишь несколько человек, включая Жука и Яра. Ну а в ловкости, так, пожалуй, вообще, никто. Антон не горел желанием отдавать Давида мне. Ярослав уговорил. Но интуиция подсказывала мне, что если бы Таисия, женщина нашего лидера, не выступала со мной, он бы никогда не сделал Давида моим телохранителем. Именно ее защищал наш лучший боец в первую очередь. Но я был этому даже рад...

- И сильнее, и мудрее... И исключительно потому что мудрее, пытаюсь уговорить, а не вхожу силой.

- Слепой не принимает сегодня.

- Мне не нужен Слепой. Мне нужен Женя Чуйков.

- Откуда ты... Ты знал его до катастрофы?

- Нет. Я никогда не видел его. И услышал его речь впервые всего лишь на прошлой неделе.

- Кто ты такой?

- Тот, кто подскажет ему выход.

- Какой выход? Откуда? Шел бы ты, вообще, отсюда.

Узнаю, кто тебя впустил сюда, голову оторву!

- В последний раз прошу,пусти меня или передай ему мои слова, он сам впустит!

- Да пошел ты...

На несколько секунд в коридоре воцарилась тишина, и когда я уже решил вмешаться, раздался грохот и сдавленный стон, а потом дверь открылась и в проеме появилась темная фигура в длинном одеянии, похожем на балахон.

Нет, я не мог увидеть его, рассмотреть обычным зрением, но я давно уже забыл, что такое вообще, обычное зрение. Все, что видел я, как обычный человек, - это свет и тьма, белые и темные пятна. Но ни других цветов, ни очертаний предметов, ни силуэтов, мои глаза различить не могли. После того ранения, когда меня лишили зрения, я думал, что жизнь окончена, что смысла продолжать ее дальше нет - что я могу, инвалид, не способный самостоятельно сделать ни шагу?

Но, оказывается, существует совсем другое зрение. Чтобы воспользоваться им, вовсе необязательно использовать ту часть лица, которая зовется глазами. Да что там, мне не нужно даже поворачивать голову в сторону предмета! Нужно на-

учиться смотреть в себя. Внутрь.

Практически никогда то, что "видел" я, и то, что было на самом деле не совпадало на сто процентов. Сколько раз я расспрашивал Давида, Таисию или Рыжую, а бывало даже Ярослава? Просил описать в подробностях внешность какого-то человека, окружающую природу или какой-либо предмет, и понимал, что вижу другое, непохожее совершенно, либо отличающееся в какой-то одной, но важной детали. Но своих людей я узнавал всегда до того, как они заговорят. А еще всегда видел свой путь и преграды на нем. Это позволяло ходить, не спотыкаясь, даже стрелять почти без промаха и обо всем иметь свое собственное мнение.

...Несмотря на скорчившегося на полу коридора Давида, я не чувствовал угрозы в вошедшем человеке. Его аура светилась ровно, приглушенным светло-зелёным цветом. Он стоял на пороге молча, как бы позволяя мне "рассмотреть", почувствовать себя.

- Что ты сделал с моим бойцом?

- Никакого вреда. Просто ментальный блок и совсем немного отдачи. А вот молодому человеку стоило бы приложить поменьше усилий, чтобы вывести из строя такого старика, как я! Ну да ладно, впредь будет умнее!

Впечатляло. Еще как! Давид был возмущен до предела и готов с пола ринуться в бой - весь искрился и горел яростью.

- Давид, оставь нас! И будь так добр, принеси чай.

Парень возмутился - как же, он не слуга какой-нибудь.

Ярослав был прав, когда говорил, что Давиду нужно указать место - слишком горяч, а здесь все-таки главный - я. Но Дорофеев слишком хорошо готовил своих солдат - дисциплина у них, точнее, теперь у нас, всегда на первом месте. Поэтому Давид недовольно ответил:

- Хорошо, - и все-таки вышел из комнаты.

Когда за вставшим, держась за стену парнем, закрылась дверь, молча слушавший нас старик сказал:

- Правильно. Нам нужно поговорить наедине.

- Кто ты?

- Меня зовут Платон. Но там, где я живу, чаще называют Монах. Не думаю, правда, что ты слышал обо мне. А вот я слышал о тебе давно. Да, представь себе слух о Пророке, да еще и Слепом, дошёл даже до Новгорода. Я хочу помочь. Я знаю, что с тобой случилось во время последнего выступления.

Он знает? Да я сам не знал, что это было. Просто в какой-то момент моей речи, все вокруг вспыхнуло, словно фейерверк разорвал небо. А потом меня закрутило в черную воронку. Я еще успел почувствовать, как падаю на колени прямо на помосте перед толпой народа, а дальше - пустота. Очнулся в своей комнате, на кровати. Рядом суежилась испуганная Зоя. Таисия сидела сбоку и, рискуя вызвать безумную ревность своего чересчур вспыльчивого мужа, держала меня за руку.

После выступления я обычно чувствовал некую эйфорию,

потому что обычно все проходило удачно, меня воспринимали так, как было задумано изначально. Меня воспринимали, как Бога, как того, кто способен спасти, дать лучшую жизни, избавить от голода и болезней. Но в тот момент после выступления у меня не было сил даже на то, чтобы самостоятельно встать с постели.

Зоя осмотрела, но никаких особых отклонений в моем здоровье не увидела. Хотя честно говорила, что нужны специальные исследования - головной мозг сквозь череп не рассмотришь, а оборудования соответствующего, естественно, у нас нет. Она боялась того, что совсем скоро у меня начнутся приступы, подобные тем, которые случались у отца Таисии, предыдущего Пророка.

...Что ж, послушаем, что скажет этот человек. Я сел за стол и жестом указал мужчине на стул напротив. Дверь открылась и на стол нам поставили чай. Давид, вот же хитрец, стоял в дверях, а нас обслуживала девушка. Всмотревшись, а лучше сказать, просканировав ее своим внутренним зрением, я понял, что это была Олечка, дочка Лехи Стрелка, работавшая вместе с матерью и бабушкой на общей кухне. Не прогнулся Давид! Но за это я уважал его еще больше - гордый!

Девушка молча сделала свое дело и вышла из комнаты, в проеме замешкавшись. И мне было хорошо понятно, почему. Ее аура сияла и искрила, всплесками своими лаская, трогая Давида, стремясь в его сторону - еще одна несчастная, потерявшая голову от нашего местного ловеласа.

- Давид, оставь нас одних.

Он, захлопнув дверь, побежал догонять девчонку.

- Так. И что, по твоему мнению, случилось со мной во время последнего выступления?

- Тебя вычерпали. Опустошили. И если подобное будет повторяться, тебя надолго не хватит.

- Опустили? - звучало странно и неправдоподобно. - Силы выпили, что ли? Как вампиры?

- Типа того. Можешь смеяться, но поверь мне, я знаю, о чем говорю.

- Ну, ладно, допустим. И что же мне сделать, чтобы от этого спастись? В чем мое лекарство?

- В женщине.

Что? Я подумал, что ослышался. В какой, блядь, женщине? В проститутке что ли? Или в экстрасенсе каком-нибудь, вроде Таисии?

- У меня есть Таисия.

- Она - твой щит. Хороший щит. Но никогда не станет твоим резервом. Если бы она была твоей женщиной - тогда да! А так, не может она тебя подпитать, даже если захочет. Не отдаст свои силы, свою энергию.

- Интересная версия. Получается, мне нужно найти бабу. Перед выступлением, как от розетки, от нее подзаряжаться, и все будет путем? - мне было смешно. Полный бред! Глупость какая-то!

- Нет. Любая баба не пойдет. Тебе нужна особая. Твоя.

Чтобы чувствовала тебя. Чтобы любила. Иначе только во вред будет. И тебе во вред, и ей. И ты, чтобы любил ее.

- Допустим, я такую найду. Допустим. Но если из меня люди энергию черпают, я буду из нее... что с ней будет? С нею будет то же, что со мной сейчас происходит? Я ее опустошу, выпью до дна и всё - конец ей?

- Не знаю. Может быть, вы научитесь подзаряжаться друг от друга... как от розетки?

Он смеялся надо мной. Я это чувствовал. Но и понимал, что Монах не врал. Была, была в его словах доля правды.

И что теперь? Жену искать себе? Надо подумать. И с Яром посоветоваться.

Мужчина поднялся, видимо, сказав все, что хотел. Уже у двери остановился и спросил:

- Это был твой лучший боец?

Это он про Давида?

- Да. Мой телохранитель.

- Ты понял, что я легко смог с ним справиться?

Да уж! Понял, как не понять? Я просто кивнул в ответ.

- Хочешь я научу его своим приемам? Точнее пришлю своего помощника, который научит?

Я задумался. С одной стороны, такие способности, если им можно научиться, не повредили бы никому из моих солдат. С другой, человек, способный запросто справиться с Давидом, неплохо владеющим восточными единоборствами, молодым, тренированным и сильным, сам по себе опасен.

Да и почему я должен доверять совершенно незнакомым людям? Платон понял, о чем я думаю:

- Я знаю, ты понимаешь, что я не враг ни тебе, ни твоим людям. Ты каким-то образом читаешь меня. Я пришлю к тебе своего воина. Тебе достаточно будет всего одного "взгляда", чтобы понять, что он совершенно безвреден... для тебя.

И тут только, когда мужчина уже шагнул за порог, я опомнился - понял, что именно смущало меня на протяжении всего разговора.

- Стой. Не верю в бескорыстность. Что ты хочешь за совет... и бойца?

Он остановился. Я не видел этого конечно. Но был уверен, что он улыбается.

- Сущий пустяк. Твою благосклонность. А может быть, даже помощь, когда придет время. Причем, я не прошу каких-то обещаний, заметь. Просто дружбу.

- Я подумаю.

- Я могу завтра зайти за ответом?

Я в очередной раз согласно кивнул.

2. Знакомство. Милана

Я не знаю, какой идиот придумал мне такое имя. Нет, я, конечно, догадываюсь. Но это точно был не отец. Мой отец, точнее тот человек, которого я зову так на протяжении 20 лет, никогда бы не дал мне этого сладкого, липкого, как зажатая в ладони карамель, имени. Значит, когда я попала к нему, я знала и назвала его сама. Ну, в принципе, по воспоминаниям отца, в три-четыре, примерно столько мне тогда было, я должна была помнить.

Я привыкла откликаться на другое имя, мужское. Конечно, я понимала, что определить во мне женщину было не так уж и сложно. Но чаще всего до этого вопроса просто не доходило. По двум причинам. Тем, кого я охраняла, просто не было дела до моего пола, главное, чтобы дралась хорошо. Ну и, если вдруг все-таки вопрос ставился ребром, я всегда могла за себя постоять. Обычно, спросив однажды и получив мой отпор, второй раз не спрашивал никто.

Наверное, многих сбивали с толку коротко обстриженные волосы, мужская одежда, отсутствие груди - мало того, что маленькой от природы, так ещё и бинтуемой мною. Да, голос... Но часто меня принимали за парнишку, а значит, голос вполне мог ломаться в связи с возрастом.

- Саша.

- Александр то есть? - смазливый донельзя высоченный

мужчина скептически рассматривал меня, прислонившись к двери.

- Хочешь напрягаться - зови Александр, - я пожала плечами.

- Ты - тот самый супербоец, которого нам сегодня должны прислать? - он откровенно ржал, даже не пытаясь сдержаться.

- А ты, я так понимаю, тот, кого мой престарелый отец простым блоком вывел на пять минут из строя?

Я-то как раз сумела сдержаться, наблюдая, как наглая улыбка сползает с полных, красиво изогнутых губ. Получай!

- Вторая дверь от поворота направо, - пробурчал, пропуская меня, наконец, в здание.

Отец сказал, что обучать я буду бойцов, но вначале должна встретиться с их лидером - человеком, которого в этой, самой сильной и могущественной группировке в городе зовут Слепым, а иногда - Пророком из-за особых способностей. Постучала и, не получив ответа (но и отказа), толкнула незапертую дверь.

Обнаженный по пояс мужчина отжимался от пола в центре комнаты. Под смуглой кожей на спине и плечах перекатывались тугие мышцы. Длинные пальцы распластались по полу. Широкие ладони, обвивающие запястья вены, мощные бицепсы... Взгляд скользнул по совершенно седому, прямо-таки белоснежному, ёжику волос и коснулся лба. Лица было не рассмотреть - опущено в пол. Не удержавшись, я

снова скользнула взглядом по его потрясающему телу. По молодому, несмотря на седину, телу... А ведь я должна была, наверное, как-то дать о себе знать, не стоять, как истукан, с открытым ртом - может, он не услышал стука!

Я только успела подумать об этом, как мужчина легко поднялся с пола, выпрямляясь во весь немалый, особенно по сравнению со мной, рост и сделал шаг мне навстречу. Я еле сдержалась, чтобы не закрыть рукой рот.

Он, действительно, слепой! Боже мой! Как же так? Такой молодой... и красивый! Кто его так? Уродливый шрам пересекал левый глаз, шел через лоб, захватывая переносицу и заканчивался на правом, который был полностью закрыт. Усилиями воли я заставила себя опустить глаза, чтобы не пялиться так бесстыже на его шрамы. Нижняя часть лица была нормальной. И если все воспринимать по-отдельности, даже красивой. Он молчал, повернув голову в мою сторону, а я, как замороженная, рассматривала ровный прямой нос, по-мужски сурово сжатые, но красивые губы с чуть полной нижней, щетину на подбородке, родинку на левой щеке... и удивлялась себе самой. Больше всего на свете мне хотелось сейчас подойти к нему ближе и погладить щеку ладонью, коснуться пальцами его кожи, провести по этой родинке... Потрогать совершенно незнакомого, впервые увиденного человека!

Внезапно он нахмурился - лоб прочертили вертикальные складки и спросил:

- Я не знаю тебя. Ты от Монаха? Боец, который будет обучать моих солдат?

Я слышала вопрос. Но еще большим наваждением, чем его внешний вид, для меня стал голос. Глубокий, мягкий, наполненный множеством звуковых оттенков, сильный, проникающий в самую глубину души... Понятно, почему толпы людей признали его, как Пророка, почему слушают его, затаив дыхание и верят каждому слову. Такой голос можно слушать вместо музыки всю жизнь, и он никогда не надоест, никогда не станет привычным...

- Ты слышишь меня?

Пришлось потрянуть головой, чтобы избавиться от своего ступора.

- Да. Слышу. И да, я - тот самый боец.

Он задумался, склонив голову к левому плечу. А я уставилась на свои ботинки, потому что взгляд неумолимо полз на его грудь, абсолютно безволосую, гладкую, мускулистую не меньше, чем спина.

- Имя?

- Саша, - я всегда представлялась так. Пусть человек сам выберет для себя, кто я. Вроде бы как, не врал. Но при этом, я всегда подсознательно хотела, чтобы меня считали мужчиной.

- Хм, сколько тебе лет... Саша?

Я и сама наверняка не знала. Двадцать три-двадцать че-

тыре ... 27 апреля мы отмечали мой день рождения. Но это была вовсе не та дата, когда я появилась на свет. В этот день двадцать лет назад отец нашел меня, забрал из дома в глухой деревушке в пригороде Новгорода. Он рассказывал, что в доме, кроме меня, все были мертвы. Причем, умерли люди от какой-то странной болезни, язвами разъедающей тела.

Про таких, как я говорят: "Маленькая собачка - до смерти щенок". Я была уже далеко не ребенком, но выглядела очень молодо. Постоянные тренировки с отцом, занятия бегом, все это держало в тонусе тело. А недостаточно обильное питание, а может, конституция моего организма, не позволяли округлиться, стать женственнее. Поэтому на вопрос о возрасте, я отвечала так, как было мне удобно. То есть снова врала.

- Двадцать один.

- Двадцать один, - почему-то повторил он. - Присаживайся.

Он махнул в сторону стула, придвинутого к столу. Сам же взял со спинки кровати небольшое полотенце и начал вытираться. Пришлось отвести взгляд, потому что вид перекачивающихся при каждом движении под его кожей мускулов был не для слабонервных. Села, прикрыла глаза и попыталась отрешиться от всего мира, задвинуть в уголок сознания свои странные нелепые эмоции. Обычно, это было легко. Но сегодня... Да что со мной такое? Я только и мечтала увидеть, взглянуть на него! Как магнитом притягивал меня этот че-

ловек. А! Просто у него харизма такая! Или, может, это дар у него - способность уникальная?

- Что тебе нужно для обучения? И всех ли можно научить тому, что умеет твой наставник?

- Нет, далеко не всех. Мне нужно будет осмотреть твоих бойцов и самому выбрать. Что нужно? Их желание. И время.

- Мои бойцы постоянно перемещаются по городу за мной следом. Мы не живем все время здесь на территории завода.

- Заниматься можно по несколько часов в день в любом мало-мальски пригодном месте, лишь бы было достаточно пространства для тренировок.

- То есть, ты мог..., - он почему-то сделал паузу. - бы сопровождать нас?

- Да.

- Как долго?

- Пока не выполню поставленную передо мной задачу.

- Хорошо. Когда сможешь приступить?

- Хоть сегодня.

- Тогда подожди на выходе. А ко мне пришли того парня, который тебя направил сюда.

Я поняла, что разговор окончен. Встала и, не сумев удержаться, оглянулась возле двери. Он сидел за столом, уперев левую руку в его поверхность и потирал подушечками пальцев висок. Свет от окна падал так, что вся правая сторона была хорошо освещена, а вот левая находилась в тени, отчего страшного шрама, заменившего левый глаз, видно не было.

Поэтому-то и казалось, что он просто закрыл глаза и, заду-
мавшись, касается кончиками пальцев лица. Где-то в глуби-
не моего тела, в районе сердца, что-то незнакомое и непри-
ятно болезненное даже, сжалось от жалости, от сочувствия,
от... чего-то, что не объяснить словами, к этому необычному
человеку. И я поняла, что еще немного и на моих глазах по-
явятся слезы. Поэтому, сцепив зубы, резко шагнула за дверь.

3.

Я был в замешательстве. Когда этот странный человек вышел, я сидел и пытался осознать, что это было. Кто это был вообще? Конечно, прежде чем делать выводы, стоило бы расспросить Давида, тем более, что он сейчас все равно придет. Но это было так непонятно и удивительно, что я пытался додуматься, догадаться самостоятельно.

Когда он появился на пороге комнаты, я подумал, что в помещение вошла девушка. И в первую секунду даже, решил, что это - Зоя. Только Рыжая светилась нежным солнечно-желтым светом, только от нее я ощущал тепло, как от весеннего солнышка. Но Зоина аура была спокойной, ровной. А здесь - всполохи, искры, сияние во все стороны. И странное ощущение, что стоит она ближе, чем на самом деле.

И потом, когда заговорила ("заговорил" - мысленно поправил себя сам), голос тоже показался мне женским. Но о себе человек говорил в мужском варианте, и когда я делал то же самое, не поправлял, а принимал, как должное.

Давид молча вошел в комнату.

- Что с ним делать, Слепой?
- Давид, как по твоему, это кто сейчас был у меня?
- Парень. Боец, который будет нас учить какой-то невиданной технике боя?
- Парень? Не девушка?

- Да, он какой-то... странный, хм, может быть из этих, знаешь, педиков? - предположил и сам же заржал. - На голове - бандана, лицо явно не бреет еще, худой, мелкий, на вид лет восемнадцать, не больше, ресницы до бровей.. Представляешь, что мужики наши скажут? Да они его в бараний рог скрутят!

- Размести его здесь, в той комнате, где Странник останавливается. Только скажи там девчонкам, чтобы прибрались, белье поменяли. Не забудь показать, где столовая и рассказать о наших правилах. И не вздумай пошутить над ним!

И, конечно же, я не мог пропустить первую тренировку. Интересно было, кого отберёт этот парень? Сходил в душ, оделся, но выйти не успел. В комнату постучали. Пришел Ярослав.

- Я не вовремя?

- Ты всегда вовремя. Проходи, рад тебя... видеть.

- А что это у нас во дворе за переполох?

- А что там?

- Всех ребят собирают. Они там кучкуются. Даже Беркут с вышки запросился - тоже хочет поучаствовать. Заменил его на Шамана. Что это вообще? Ты в курсе.

- Понимаешь, Яр, ко мне тут на днях человек один приходил. Из Новгорода. Так вот он Давида одним движением на пол уложил.

- Может, случайность? Не ожидал просто парень? - с сомнением отвечал Ярослав, но по голосу было слышно, что

он отлично понимает, это - вовсе не оправдание, ведь телохранитель всегда должен быть готов. А Давид был хорошим телохранителем.

- Он Давида предупредил о том, что сделать собирается. Так вот, человек этот прислал своего ученика, помощника... уж не знаю, кем он ему приходится. Этот молодой парнишка может показать нашим ребятам приёмы своей борьбы.

- Интере-есно, - протянул Яр. - Я бы посмотрел.

- Так пошли посмотрим.

Пока шли я не мог не спросить о Зое. Два дня она не приходила ко мне. А обычно мы встречались ежедневно. По-началу Ярослав дико ревновал ее ко мне и даже однажды пришел выяснять отношения. Но между нами никогда ничего не было. Хотя она очень мне нравилась. Более того, было время, когда мне казалось, что я люблю ее. Да нет. Я и любил. Я понял это именно тогда, когда лишился глаз. И не посмел рассказать ей о своих чувствах. Разве мог я такой - беззащитный и беспомощный, как ребенок, повиснуть обузой на ней? Мне казалось, что и сейчас моя любовь к ней не исчезла. Я все еще каждый день ждал вечера, когда Рыжая заглянет ко мне, когда коснется меня своим теплом. Тогда я сказал Ярославу, что считаю его своим другом и очень люблю его жену, как друга, естественно, тоже.

- Ох, Женя, со дня на день, наверное, начнется... Она стала такая медлительная, такая задумчивая - сядет возле окна и смотрит, смотрит куда-то. Кто ей поможет, если что-то

пойдет не так? Я спать не могу вообще... никогда так страшно не было.

Любит её. Такая тревога в его голосе! Но Рыжая - сильная, она справится, она будет жить!

- Яр, я тебе, как Пророк, говорю - всё с Зоей будет хорошо. Ей Ирина поможет. Ты не переживай так, все-таки роды - естественный процесс для женщин. Самой природой заложено, - и потом добавил, исключительно чтобы сменить тему, отвлечь его. - Представляешь, мне тут один человек сказал, что я должен жениться! И тогда никаких проблем, подобных той, что на последнем выступлении случилась, не будет! Буду здоров, как бык! Понял, что бабы с нами сделать могут? А ты говоришь, сон потерял!

- Серьёзно? А может и правда, пора с холостяцкой жизнью завязывать? Слушай, тебе же завтра к Детям ночи ехать. Давид тут недавно рассказывал, будто у них бабы в темноте видят, представляешь? Может, среди них какую-нибудь себе подыщешь? А еще у них татуировки по всему телу набиты, даже, прикинь, между ног!

Чтобы лучше видеть то, что происходило во дворе, мы с Ярославом поднялись на помост, когда-то сооруженный для выступления предыдущего Пророка. Ярослав комментировал, я внимательно слушал и "рассматривал" по-своему, как был способен, площадь перед помостом.

- Я так понимаю, что тут какое-то возрастное ограничение имеется. Старики наши, даже Димон, сразу отсеялись. Оста-

лось человек двадцать молодых, ну, Давид еще, естественно, куда же без него! Все в ряд стоят и этот... хм, боец... да, где ж там сила-то держится, в теле таком хилом? Да ну, Слепой, что за бред! Хотя ладно, посмотрим сейчас.

Он помолчал немного. А я, пользуясь его замешательством, "осматривал" окружающее пространство по-своему. Ряд из парней мне виделся такими вытянутыми, размытыми фигурами, окруженными разноцветными ореолами, от темно-зелёного до фиолетового, примерно в этой цветовой гамме. И мимо них, вдоль тёмного жутковатого строя, как солнечный зайчик, скользил тонким лучиком этот непонятный боец.

- Короче, он их заставил руки вытянуть. Проводит над руками, теперь перед лицами своей ладонью. Цирк какой-то, ей-Богу! Ребята ржут, но пока втихую. Смотри-ка, еще четверых отсеял. И Беркута... а он так хотел! Хотя что-то мне подсказывает, что этот гад просто отлынивает от дежурства... А-а... Что бы... Блядь... Да ну...

Он даже вперед шагнул, всматриваясь во что-то, что происходило там, во дворе. Ребята тоже почему-то молчали. Я "видел", как три темных пятна кружат по символической арене, которую создали выстроившиеся кругом остальные бойцы. А в центре, маленьким пятнышком искрился этот пришлый парнишка.

- Яр, что там?

- Он, похоже, троим приказал нападать на себя. Они кру-

жат вокруг, все ближе подбираются. А он... Он стоит с закрытыми глазами и не шевелится совсем. Женька, это не террорист случайно? А-то подорвет сейчас нашу молодежь!

- Давид его проверял. Ничего на нем нет. Даже ножа и...

Я был прерван восторженным ревом нескольких десятков молодых глоток, свистом и топотом.

- Яр?

- Су-ука... Женька, я вообще не понял, что произошло. Он только Степку ударил, а лежат все трое!

4.

Я всегда очень плохо сходилась с новыми людьми. Я не умела быть милашкой, что могло бы соответствовать моему настоящему имени. Поэтому у меня и было так мало друзей. И порой только отцовская наука умению держать себя в руках, спасала меня от одиночества и тоски.

Вот и сейчас, в новом месте, окруженная несколькими десятками мужчин, с подозрением посматривающих на меня, я не могла себя заставить пошутить, не могла быть более раскованной, веселой, общительной. Просто молча делала свое дело, стараясь отрешиться от окружающей действительности и почувствовать Силу в тех людях, которые хотели стать воинами, такими, каким был мой отец. Но далеко не у каждого такая Сила была.

Потенциальных бойцов, которых я могла бы обучить основам техники безконтактного боя, я отобрала двенадцать. Еще двое - под сомнением.

И жаль, конечно, что получилось так с одним из самых, на мой взгляд, способных - пришлось парня ударить по-настоящему. Если бы я неожиданно не заметила стоящего на помосте Слепого, то, вероятнее всего, это бы не понадобилось. Ему интересно? Он наблюдает за боем. Но он же ничего не видит!

Я отвлеклась буквально на секунду, а в бою такие ве-

щи часто наказываются смертью! Богатырского телосложения блондинчик, один из троих нападавших, то ли успел заметить мое секундное замешательство, то ли просто вовремя начал свой маневр. На автомате я применила прием, который отец называет "аксон". Не знаю уж, какое он влияние оказывает на нервные окончания, но двигать правой рукой мальчик не сможет дня два точно. Побочное действие приёма - отдача, равная силе замаха врага. Естественно, отдача достала тех двух, что были за моей спиной.

Но если блондинчика унесли на руках, то получившие отдачу очухались достаточно быстро и, в принципе, могли бы продолжить бой. Но смазливый телохранитель Слепого не позволил им снова кинуться на меня.

Сам сбросил с себя куртку, кинул в сторону нож, давая мне понять, что будет драться честно. И поигрывая бицепсами, типа разминаясь, пошел по кругу, медленно приближаясь ко мне. Пришлось двигаться также.

Сначала я думала дожждаться нападения и отразить его вторым моим любимым приемом, который я лично для себя, называла "звезда". Удар наносится в особую точку на шее противника, после попадания по которой, человек обездвиживается на несколько минут, при этом находясь в сознании. Почему "звезда"? Просто сама не раз нарывалась на удар этот от отца - после него пять минут лежишь и мирно считаешь звезды, ну или там, ворон. Но первое звучит все-таки красивее...

Но потом передумала. Все-таки для этого самоуверенного мужлана будет, наверное, унижительно оказаться обездвиженным на земле в окружении своих товарищей. В который раз облажаться за два дня, да еще и так позорно - красавчик мне этого никогда не простит. А наживать себе врага в его лице не хотелось.

Нужно отдать должное, он был быстр и соображал молниеносно. Я попыталась обманом уйти вправо, увеличив расстояние между нами, но он перекувыркнувшись по земле, вырос именно в том месте, куда я стремилась, сделал выпад, и попал бы, если бы я не успела призвать свою энергию. Я была готова. Поэтому от моего легкого прикосновения вскользь к его шее красавчик упал на колени передо мной также, как вчера перед моим отцом.

Толпа разочарованно взревела. А я, позволяя себе расслабиться, украдкой взглянула в сторону помоста, на котором стоял Слепой. Он "смотрел" прямо на меня. Конечно, это, судя по всему, было невозможно, видеть меня он не мог, просто лицо так было повернуто, что мне казалось, будто он смотрит. А второй мужчина, высокий и широкоплечий, что-то увлеченно говорил, склоняя к слепому Пророку темноволосую голову.

...Больше всего я боялась, что меня определят на ночь в общее помещение с бойцами. Тогда бы пришлось идти к Слепому снова и просить какое-то другое место. Но парень, представившийся Беркутом, привёл меня в маленькую ком-

натку, неподалеку от помещения, где жил сам Пророк. И не ушел, что было бы логично, а уселся на стул возле небольшого окошка. Я поставила свой рюкзак на кровать и уселась рядом, неспеша расшнуровывая высокие ботинки. Он все время что-то болтал - о том, кто, где у них живет, о каком-то Антоне. Я молча ждала, когда же смогу выставить его за дверь.

- Слушай, Санек, а может, ты все-таки со мной позанимаешься? Ну, скажем так, в порядке исключения?

- Могу. Только приемам научу, а все, что связано с ментальной энергией, тебе будет недоступно.

- Почему? Я тоже хочу драться так - не дотрагиваясь!

Я пожала плечами - вот же упертый!

- Обычно, то, чего нет, нельзя взять из ниоткуда.

- Значит, у меня этого нет? Никаких способностей?

Он был таким расстроенным, что я все-таки не могла обрубить на корню.

- Ладно. Мы попробуем. Но в твоём случае я не даю никаких гарантий.

- О-о! И так сойдёт! - он обрадованно вскочил и кинулся к выходу. На пороге остановился.

- Совсем забыл. Давид приказал тебе столовую показать и душ. Пошли, начнем с последнего.

И повел меня, естественно, в мужской... Потому как, скорее всего подумал, что вряд ли баба может так драться. Хорошо хоть в душе были отдельные кабинки и, после придиричьего осмотра под подозрительным взглядом молодого пар-

ня, я даже нашла одну, имеющую целый шпингалет. Не обращая внимания на указанную мне Беркутом вешалку возле самого входа, я одетая вошла в кабинку, замкнулась и начала раздеваться, перекидывая одежду через дверцу, и надеясь, что парень, наконец-то уйдет!

Но Беркут, то ли по причине моего согласия его тренировать, то ли в силу своего дружелюбного характера посчитал меня чуть ли не лучшим своим другом. Стоя у вешалки, метрах в трех от моей кабинки, он расспрашивал о моем родном городе, об отце, о том, кто меня учил приемам борьбы. И в конце концов, сказал ту самую фразу, которую я слышу обязательно ото всех своих новых знакомых, правда, в разных вариациях:

- Блядь, поверить не могу, что ты - парень! Наверное, с такой мордой симпатичной любая баба - твоя?

И я ответила то, что отвечала всегда:

- А-то! Знаешь сколько я их перетрахал! А если вдруг какая не согласна, приёмчик есть, "ваниль" называется - точка одна, причем на руке, легко найти - одно касание и баба сама на твой член запрыгивает!

Когда я вышла из душа, он смотрел на меня с таким детским незамутненным восторгом, что я поняла - этот парень теперь будет ходить за мной хвостом, пока не разберется, что к чему!

5.

Дети ночи жили, что, наверное, было логично в свете того, как они себя называли, в подземелье. Какое предназначение было у этого странного бункера на окраине города пятнадцать лет назад, до катастрофы, я не знал. Но эта немногочисленная группировка уже много лет размещалась именно там. Жили за счёт охоты. Охотились, в основном, ночью. Их было немного - все-таки ремесло они себе выбрали очень опасное, но и равных им в городе не было.

В пригороде, где людей было меньше, чем в центре, расплодилось огромное количество животных. Дети ночи убивали и ели их, находили широкое применение шкурам и даже, костям. В принципе, тем самым они приносили пользу всем нам - иначе зверье просто заполонило бы весь город, а так поголовье хоть немного контролировалось.

Вождь этой группировки, сказать "лидер" не поворачивался язык, называвший себя СтригОй, на моё предложение заняться отстрелом животных во всем городе ответил радостным согласием. Это было понятно - найти поддержку и оказаться полезными такой могущественной организации, такому клану, который был у нас, жизненно необходимо для таких маленьких групп, как они. В случае чего, можно будет рассчитывать на помощь.

Вопрос был решен в течение часа. Но нам предложили

остаться на ночь. И, несмотря на моё нежелание делать это, пришлось согласиться. А все потому, что Стригой в конце нашего ужина неожиданно сказал:

- Пророк, до нас дошли слухи, что ты ищешь жену?

Вот интересно, откуда он узнал, если кроме меня, Ярослава и Давида, об этом знал, только один единственный раз виденный мною, Монах? Но уклоняться от ответа я не видел смысла:

- Возможно.

- О, раз так, может, мою девчонку посмотришь?

Звучало странновато - во-первых, "посмотреть" в известном смысле я не мог, и он это хорошо знал, во-вторых, я точно знал, что у Стригоя не было дочери, а прозвучало именно в таком контексте.

- Посмотрю.

Он обрадовался. Это не скрыть. Такие эмоции легко читаются. Они видны.

- Сейчас прямо ее позову.

Он засуетился, поспешно подхватываясь из-за стола, стоявшего у костра под тесовой крышей, и лично убегая в свой бункер, чтобы позвать девушку. Хотя, я это знал наверняка, рядом находилась пара его помощников, готовых по первому знаку выполнить любой приказ. Я подозвал рукой Давида.

- Что ты хотел, Слепой?

Сам не знаю почему, спросил:

- Кто из наших тут рядом?

- Из наших? Всех на посты расставил. Здесь я, Беркут, Богдан, ну и этот... Саша.

Беркут и Богдан слишком молоды, чтобы давать мне советы. Сам Давид чересчур неразборчив в том, что касается женщин. Мне нужен кто-то, незаинтересованный, не из наших...

- Зови Сашу, будет мою возможную невесту оценивать, - я подумал и добавил, чтобы не обидеть его. - И сам останься.

Стригой долго не возвращался. Мои парни пришли раньше него. Почувствовав немой вопрос остановившегося в паре метров от меня бойца, я указал на скамейку рядом с собой.

- Садись. Поможешь мне.

Он неторопливо протиснулся между столом и лавкой, усаживаясь достаточно близко от меня. Достаточно для того, чтобы я почувствовал удивительное тепло, волнами исходящее, невидимое обычному взгляду, но ощущаемое всем моим телом. Такой потрясающей аурой обладали только дети, ну и Рыжая, конечно. Не мог мужик быть таким! Только неискушенные, добрые, безгрешные люди, с чистой открытой душой, были такими яркими и притягательными для меня. Но разве мог мужчина-боец, мужчина-воин, с легкостью причиняющий боль, и, наверное, убивающий тоже с легкостью, оставаться безгрешным?

Это несоответствие того, что я знал о нем, и того, что чувствовал, меня настораживало и, одновременно, тянуло к

нему. Мне хотелось понять. И вот сейчас, не дотрагиваясь до него физически, я отлично чувствовал это манящее тепло, согревающее мои руки, лежащие на столе. Мозг прострелила безумная мысль - интересно, что я почувствую, если потрогаю его? Тут же отогнал ее - не хватало еще лапать мужика! Ведь он не поймет. Никто не поймет!

- Что я должен делать?

И голос его мне нравился. Нехарактерные женственные нотки в нем почему-то рисовали мне облик кудрявого русоволосого паренька с голубыми глазами. Спросить, так ли он выглядит? Так... не для этого же позвал! Глупости какие-то!

- Саша, дело в том, что по совету твоего отца, я хочу подыскать себе... ммм, невесту. Вождь Стригой сейчас приведет девушку. Я хочу, чтобы ты посмотрел на нее и описал мне внешность. И, если можешь, свои ощущения, свое отношение к ней. И..., самое главное, ее реакцию на... меня, на мои шрамы.

- Почему я?

- Скажем так, вкусы Давида с моими не совпадают. Молодежь наша будет прикалываться, может позволить себе сказать лишнее при чужих, если я доверю им такое щекотливое дело. Я никого не хочу обидеть - ни девушку, ни клан в целом. Ты - лицо абсолютно незаинтересованное. Поможешь?

- Постараюсь.

6.

В пламени костра, разрисованное пляшущими на нем языками пламени, его лицо казалось высеченным из камня. Девушки, закутанные в темные, какие-то грязные, тряпки, с ужасом поглядывали на Пророка. Они старались не приближаться к нему. И когда ставили на стол тарелки, изо всех сил избегали прикосновения к его руке, спокойно лежащей на поверхности стола. Глупые... Почему? Их отталкивают его шрамы? Да разве сейчас, в нашем, Богом забытом мире, есть мужчины, без шрамов? Даже у меня парочка имеется. Да, не на лице, но...

Я же смотрела на него иначе. Он был особенный... И дело вовсе не во внешности. Хотя, и внешний его вид не отталкивал, а наоборот, притягивал мой взгляд. Было в нем какое-то особенное чувство собственного достоинства - в гордой посадке головы, в прямой спине, даже в серебре его волос. И сейчас, усевшись рядом, я смотрела на длинные чувственные пальцы, которые, казалось, жили собственной жизнью - они легко поглаживали грубые доски, из которых был сбит длинный стол. Как если бы он читал что-то, вырезанное на этих досках, кончиками пальцев исследуя вырезанные там углубления.

И вот из-за двери, ведущей в жилище этих суетливых, грязных, покрытых хаотично разбросанными по рукам и ли-

цам татуировками, людей, показался их вождь. За ним следом выскользнула тоненькая фигурка, закутанная по самые глаза в такую же, как и у других, ткань. Стригой с довольным видом и радостной улыбкой сел за стол напротив Слепого и меня. Давид, уходивший куда-то, тоже вернулся, но за стол сесть не спешил - встал за нашими спинами.

Девушка в нерешительности остановилась перед столом. Она была невысокого роста. В принципе, пока больше ничего вразумительного о ее внешности я сказать не могла.

Стригой начал расхваливать свою невесту:

- Мою девочку зовут Майя. Ее мать - моя младшая сестра. А отец недавно погиб - во время охоты напоролся со своей группой охотников на волчицу с детенышами. Сами знаете, что опаснее ничего быть не может. Двое наших были разорваны прямо там, возле ее логова. А Родион, смертельно раненый, сумел убить ее и даже принес волчонка. Хороший был человек. И хороший охотник.

На последних словах девушка неожиданно вскинула голову. На лице открытыми оставались только глаза - остальное было затянуто той же черной тканью, частью общего полотнища ее наряда. Но глаза эти были прекрасны - огромные, словно черной тушью обведенные, с ресницами, бросающими широкие тени на щеки. Черные брови с красивым изгибом. Ровно между ними на лбу вытатуировано некое подобие мишени - круг, в нем еще один - поменьше, и красная точка в центре. Символ, означающий, что она из клана

стрелков-охотников? Пророк некоторое время сидел молча, повернув лицо к девушке. Потом спросил:

- Ты знаешь, Стригой, что я не могу ее увидеть?

- Да, конечно, я понимаю, Пророк. Но ты можешь ее попробовать, если пожелаешь!

Что? Попробовать? В смысле...? На ночь забрать, что ли? До этого момента мне казалось, что мы выбираем невесту. И это звучало как-то... благородно, что ли. Но попробовать... Это же совершенно другое - мерзкое, пошлое, как если бы просто попользоваться чем-то и выбросить за ненадобностью.

Девушка при этих словах своего вождя заметно вздрогнула и прекрасные глаза вновь уставились в землю. Я, не удержавшись, повернулась к Слепому. Он, казалось, рассматривает ее, чуть склонив голову на плечо. Интересно, что он думает? Неужели, согласится? Я не питала иллюзий по поводу благородного отношения к женщине. В нашем мире не было места жалости и великодушию, когда дело касалось желаний всемогущих мужчин. Пророк был одним из самых охраняемых, знаменитых и могущественных людей этого города. О нем знали далеко за пределами Питера. Даже у нас в Новгороде он был известен! Для таких все можно, что уж говорить о чести какой-то там девчонки!

- Попробовать, говоришь? - переспросил он, а я с ужасом разобрала в его тоне странные хищные нотки. - А сколько ей лет?

- Ей пятнадцать. И у нее еще не было мужчины.

Я еле сдержалась, чтобы не закрыть рукой рот. По моим меркам она была совсем ребенком. Хотя, что там скрывать, я видела еще и не такое. Сплошь и рядом в нашем мерзком мире процветали жестокость и насилие, убийства и грабежи, разврат и пошлость. Это мне повезло - у меня были хорошие защитники. Сначала - отец и его ученики, а потом - мои собственные способности, которыми я смогла превзойти даже своего учителя. Меня не раз пытались... но никому не удалось.

- И ты предлагаешь, чтобы я был той тварью, которая изнасиловала ребенка? - в голосе Пророка был металл, но лицо оставалось бесстрастным.

Глаза Стригоя забегали по столу, потом - запрыгали с меня, на Слепого, потом - на Давида.

- Как пожелаешь. Можешь просто потрогать ее, чтобы понять, нравится ли тебе.

- Ты не понял. Я ищу жену. Женщину, которая будет равной мне. А ты кого привел? Она же боится меня до дрожи. Используешь детей, как шлюх?

- Нет, - вот тут вождь уж точно испугался. - я же говорю тебе, что она еще ни с кем не была!

- Уведи ее.

Грубо схватив девчонку за локоть, Стригой потащил ее, путающуюся в длинном одеянии, в свой бункер. А Слепой повернулся ко мне:

- Что скажешь?

Я, честно говоря, уже решила, что он отказался от девушки. И сидела, даже не думая о том, что все равно должна буду высказать свое мнение о ней. Только не успела и рта открыть, к нам шагнул Давид, и из-за спины сказал:

- Она вся закутана с ног до глаз. Скорее всего, уродину подsunуть тебе захотел. Забитую, запуганную. Такая сама из тебя энергию тянуть будет, не то, что тебя подпитывать.

Слепой молчал. Потом повернулся ко мне. И сделал это как-то резко и быстро, так что я от неожиданности не успела отодвинуться, и он, видимо, не рассчитав, насколько близко я сижу к нему (понятно, он же ничего не видит!) приложился своим коленом к моей ноге. Чтобы не шарахнуться в сторону, мне пришлось вцепиться рукой в лавку, на которой сидела. Но не от страха, нет, и не так уж меня могло удивить мужское прикосновение - обучая их драться, я ежедневно трогала множество мужиков! Тут было дело в другом. В странном секундном жжении, словно к моей ноге через ткань штанов приложили раскаленную сковородку. Разобраться в своих ощущениях я не успела, потому что он сразу же отстранился. Может, у него температура? Поэтому такой горячий?

- Саша? - странные нотки в голосе, будто бы он тоже почувствовал и был этим удивлен... - Что скажешь ты?

- Если тебя интересует внешность, то, я думаю, она - красивая. Глаза очень даже. Думаю, что и под тряпками этими - там все в порядке, никакого уродства. Не стал бы вождь

рисковать. Он, действительно, хотел угодить тебе. И она не запуганная. Просто не хочет становиться твоей женой.

Я смотрела на его реакцию. А он почему-то наклонился к моему лицу, придвинулся буквально на десяток сантиметров и меня бросило в жар, кровь прилила к лицу, заставляя замереть перед ним, как кролик перед удавом.

- Давид, иди посмотри, не лупит ли он там ее за то, что не понравилась! Объясни ему, что я запрещаю наказывать ребенка, - и потом, обращаясь ко мне. - Не хочет из-за моего уродства?

- Нет! Что ты! - вот дура! зачем там яростно? Как будто он спросил что-то возмущающее до глубины души. - Я думаю, не из-за этого. Из-за силы твоей.

Его целая, неповрежденная бровь изогнулась.

- И в чем сила... брат? В чем МОЯ сила?

7.

Мне нравилась его честность и какая-то восторженность, желание видеть во всем хорошее. А еще непонятное стремление защитить, замолвить, так сказать, доброе словечко. И причем не только за несчастную девчонку, но и почему-то за меня. Жалеет?

А с этой "невестой" все понятно было мне самому. Я мог бы и не спрашивать никого. Мощная волна неконтролируемого ребенка (по другому назвать пятнадцатилетнюю девочку я не мог) отторжения, чувствовавшаяся мною, как порывы ветра, как толчки негативной энергии, сразу заставила подумать, что этот несчастный, испуганный человек никогда не станет МОЕЙ женщиной. Она вечно будет меня бояться и ненавидеть. А я никогда не смогу даже дотронуться. Да мне этого и не хотелось.

А вот от сидящего рядом парня шла энергия совершенно иного плана - притягательная, жаркая, удивительно положительная, как если бы этот человек никогда не знал боли и бед.

- Так в чем моя сила? - напомнил я ему, заданный уже минуты три назад, вопрос.

- Твоя сила в правде. Ты умеешь разговаривать с людьми так, что каждое слово твоё признается ими за истину.

- Как считаешь, это хорошо или плохо?

- А это, как посмотреть. Для тебя - хорошо, ты можешь

легко заставить любого поступить так, как считаешь нужным. А для людей... все зависит от твоих убеждений.

- Ошибаешься. Моя сила, как ты считаешь, это - мое персональное проклятие. Я вынужден принимать решения за других и убеждать их в том, что это - для их же блага. Но я простой человек и порой сам не знаю, как будет лучше. И иногда ошибаюсь.

- Разве ты один принимаешь решения?

- Нет. Не один. В нашей группировке есть военный совет. И там большинством голосов принимается стратегия наших действий. Но до широких масс эти решения доношу я. И поэтому в случае неуспеха виноват для них тоже я.

- В людских глазах всего лишь. Не думаю, что тебя так уж сильно волнует чужое мнение.

- От чужого мнения зависит порой не только моя жизнь, и жизнь моих людей, но и тех, кто поверил мне, кто пошел за мной.

- Но ведь ты хочешь, чтобы жизнь людей улучшилась?

- Хочу. Да. Но порой чтобы выиграть партию, нужно пожертвовать парой фигур.

- Тебя мучает совесть?

- Меня мучают сны. Те, кто погиб из-за меня не отпускают, приходят ко мне по ночам. Я вижу, КАК могли бы они жить, какие-то счастливые, особенные моменты их будущего, будущего, которое не состоялось... А может быть, прошлого... Я не знаю. Тех, кого они любили, кто был им дорог.

Это... больно.

Я и сам не понимал, почему рассказываю ему то, чего не знал никто. Какое-то наваждение. Просто живой, острый ум парня привлекал меня, вызывал интерес. Нечасто мне встречались такие собеседники, с которыми было что обсудить. О чем он думает сейчас, интересно? Осуждает меня? Саша молчал, но я чувствовал, что никакого негатива мои откровения у него не вызвали - его по-детски чистая аура все также теплыми волнами окатывала меня. И мне было как-то... хорошо рядом с ним. Я уже и не ждал реакции на мои слова. Но он вдруг спросил, развернувшись ко мне и наклонившись ближе:

- Как... как ты с этим живёшь?

А потом сделал невероятное. То, что перевернуло мой темный мир с ног на голову. Он положил ладонь на мою щеку и очень нежно, чуть касаясь, погладил большим пальцем то место под глазной впадиной, где начинался шрам.

Меня накрыла волна противоречивых ощущений. Первой мыслью, конечно же, было - меня трогает мужик! И инстинктивно я был готов отшатнуться. Но, сука, собственные ощущения испугали гораздо больше. Этот парень - настоящая энергетическая бомба! Его солнечное сияние не просто окутывало меня, оно сквозь поры на коже проникало внутрь - наполняя меня невероятной энергией, безмерной силой! И это было безумно приятно и необычно. Настолько, что член дернулся в штанах, реагируя, естественно, на эту энергию, а

вовсе не на прикосновение! Или все-таки? Я сидел, как замороженный, не в силах отстраниться.

И он отшатнулся первым. Похоже, понял всю нелепость своего поступка. Отодвинулся и негромко сказал испуганным голосом:

- Прости. Не знаю, что на меня нашло.

Давид прав? Этот парень, на самом деле имеет склонность к мужскому полу? Я привык сразу выяснять отношения, поэтому решил прямо спросить об этом. Но не успел. К столу вернулись мой телохранитель и Стригой. Последний заговорил нарочито радостным голосом:

- Пророк, раз уж невеста не приглянулась, позволь преподнести тебе другой подарок! В знак нашей дружбы и моего к тебе расположения.

Я кивнул в знак согласия, и он сказал кому-то из своих охотников:

- Неси сюда Друга.

Тот факт, что мне собираются преподнести в качестве подарка животное, я понял сразу. Я не раз "встречался" с ними, "видел", как эти комки шерсти и грязи безжалостно убивают людей. И, конечно, помнил по своему детству, какими они были ласковыми когда-то, до того, как случилась катастрофа, превратившая братьев наших меньших в неконтролируемых, жестоких хищников, испытывавших ненависть к нам, их прежним хозяевам.

Но то создание, которое на руках вынес кто-то из помощ-

ников Стригоя, было, по-видимому, совсем еще детенышем. Его аура была чуть розоватой, а не агрессивно красной, какой она представлялась мне у других виденных мною животных. Но зверь все же пытался показать характер - порывивал тоненьким голоском. Близко ко мне его поднести не успели - Давид загородил дорогу:

- Нет. Это опасно для Пророка.

Вождь охотников возразил расстроенным голосом:

- Нет, он не опасен. Отец Майи нескольких приручил, взяв вот так, детенышами. Это же обычная собака, имевшая в предках кого-то породистого, возможно, овчарку. Помнишь, были у нас такие, Пророк?

- Помню, - мне не хотелось обижать его во второй раз, ведь, отказавшись от невесты, я уже поступил не очень-то хорошо. Но и что делать с этим "подарком" я совершенно не знал. - Давид, придумай, куда мы посадим его.

- Но... - Давид, конечно, имел наглость возразить при посторонних.

Я оборвал его, чувствуя, как ярость заставляет сжаться в кулак пальцы:

- Я сказал, мы возьмём его.

И тут зачем-то вступился мальчишка:

- Пророк, а можно, я его возьму пока?

Я кивнул, чувствуя облегчение и все еще не проходящую злость на Давида. И был удивлён, когда понял, что животное, переданное в руки Саши, внезапно жалобно заскулило,

заурчало и буквально "на глазах" поменяло цвет своей ауры на более нежный и светлый.

Окружающие, видимо, тоже это поняли, потому что Стригой радостно заговорил:

- О-о, необычный у тебя боец, Пророк! Они, звери, сразу чувствуют силу и ласку, сразу понимают, кто сможет держать их в узде и... и любить...

- Любить? - фыркнул Давид.

А я почему-то подумал, что я сам, как это маленькое создание, тоже несколько минут назад чувствовал силу и ласку, исходящие от молодого человека, сидящего рядом.

8. И Зверь в помощь...

В большой комнате рядами, как в казарме стояли металлические койки с провисшими пружинами, застеленные каким-то тряпьем. Не раздеваясь, я легла на свободную нижнюю, держа в руках сонного засыпающего Зверя (ну, какой из него Друг?), так я временно, пока Пророк не решит, что с ним делать, назвала щенка. Животное мне позволили накормить из своих рук. И он, видимо, очень голодный лакал некое подобие супа - неприятно пахнущую баланду, захлебываясь и рыча.

На соседних койках ворочались два молодых бойца Пророка - Беркут и Богдан, свободные от дежурства. Им не спалось. Увидеть зверя в полутьме комнаты они, скорее всего, не могли, но услышали его сонное поскуливание.

- Мастер, - так, шутя, обращался ко мне, севший на своей постели, Беркут. - Что это ты там приволок такое?

- Это - Зверь.

- Ты тренируешь на нем способность убивать взглядом?

- Это невозможно, - молодой боец в последнее время часто спрашивал, умею ли я подобное. - Я уже говорил. Нет, это подарок местного вождя Слепому.

- Подарок? - теперь на кровати подскочил Богдан. - Эти охотники совсем умом посъезжали. Нашли, что дарить. Лучше бы бабу какую-нибудь из своих. Блядь, они у них все та-

кие закутанные, запрятанные в свои тряпки, прямо интересно, что там под одеждами имеется! Сейчас бы какую-нибудь под бок на часок!

- Говори уж честно - минут на десять! - засмеялся Беркут.
- На ча-асо-ок!

Они захохотали, и я улыбнулась тоже. Хорошие ребята, дружелюбные, веселые. Такие же, как их командир. Но было у него одно существенное отличие. Если бойцы - добродушные, простецкие парни, и все о них понятно, вся подноготная на ладони. То Пророк... Его простым уж точно не назовешь.

Не обращая внимания на их разговоры, я свернулась клубочком вокруг спящего, изредка испуганно вздрагивающего, Зверя, и, пригретая исходящим от него теплом, задремала.

Но и в этом, пограничном между сном и явью состоянии, я ощущала рядом Пророка. Как будто бы, одно мое неосторожное прикосновение к его коже, к его лицу, наполнило меня до предела странными чувствами, не дающими покоя, вызывающими безумные желания. Он будоражил мой разум и заставлял в неясном предчувствии замирать сердце. Мне хотелось вечно слушать этот голос и те слова, что он произносит. Он был умен, это понятно не только по грамотной речи, но и по тому смыслу, который Пророк в свои слова вкладывает. Мне было далеко до него.

Я любила читать. Книги, во множестве раздобытые и подсовываемые мне отцом, да еще он сам, мой учитель, единственный родной мне человек, - вот те источники знаний,

которые я имела. А Пророк... почему-то мне думалось, что он имел образование, что когда-то, до катастрофы, он учился где-нибудь в университете, потом работал где-то... на большее моей ограниченной фантазии не хватало.

Много ли я знала о том мире, который был до того, как... Когда случилась БЕДА, мне было лет пять, и я помнила об этом больше со слов отца. Из личных воспоминаний - постоянные переезды, холод, потому что мы долгое время жили на Крайнем Севере, женщина, добрая и ласковая, которую я называла мамой. Какие-то обрывки, слова, горе, рыдающий отец в тот день, когда мамы не стало. Потом - постоянные тренировки, выматывающие, порой невыносимые. Он мог разбудить меня ночью, безжалостно вырвать из теплой постели и гонять под дождем по лесу или заставить отжиматься, пока я обессиленно не падала прямо на землю. Я обижалась поначалу, выла в голос, кричала на него, и даже, порой, ненавидела своего мучителя. Нескоро, годам к двенадцати, я смогла понять, что выжить в этом мире женщине очень непросто. И отец всегда готовил меня к тому моменту, когда я останусь без его защиты. Он научил меня сражаться за свою жизнь. Он научил меня быть бойцом, но при этом оставаться человеком.

И сейчас, вдалеке от него, мне не хватало ласки и тепла. Именно поэтому, а не из-за банальной жалости, я прикоснулась к Пророку. Мне было безумно стыдно за свой порыв! И я видела, понимала, он тоже был в шоке от моего поступка.

Но если честно признаться, то я не жалела о том, что сделала. Наоборот, была бы у меня возможность, я бы безумно хотела прикоснуться именно к нему еще хотя бы разочек. Дикость, дикость, безумие какое-то! Почему подобных мыслей не возникало сегодня утром, когда еще во дворе завода я показывала особый прием выхода из захвата своим ученикам. И мне пришлось войти в физический контакт с каждым из тринадцати! А некоторых буквально хватать за разные части тела и по-нескольку раз! Но ведь и мысли о том, что передо мной представители противоположного пола, не возникло! Не дрогнуло сердце! Не бросило в жар! Не задрожали пальцы! Проснувшись от плача (по-другому не назовешь) собаки под боком, я поняла, что прижимаю к губам ту руку, которой трогала его щеку... И вовсе не потому, что так мне было удобнее лежать на продавленной, неприятно пахнущей, койке.

В комнате раздавался нестройный храп нескольких мужиков. В темноте разобрать, кто и где лежит и сколько человек сейчас находится в помещении, было нереально. Интересно, а Пророк тоже здесь? Или его Стригой уложил отдельно, в особой комнате для важных персон?

- Зверь, ты чего не спишь? - спросила шепотом прямо в мягкое, пахнущее почему-то молоком, ухо.

Он заскулил еще жалобнее. Перебудит всех, засранец!

- Может, тебе по твоим собачьим делишкам в кустики хочется? Так пошли, сходим вместе!

Небо было затянуто тонкими, словно кусочки прозрачной материи, облаками. Сквозь эти рваные, бегущие по небу, островки пробивалась круглая, словно блюдце, луна. Возле небольшой деревянной будки, служившей жителям бункера уборной, я посадила Зверя на землю, и он, тут же, не выбирая места, начал удовлетворять свои естественные потребности. Я тоже сходила в домик, помыла руки в старинном рукомойнике, установленном неподалеку.

- Ты чего не спишь? - в тени высокого раскидистого дерева метрах в пяти от меня стоял Давид.

- В туалет ходил. А ты?

- Дежурю. Смотри, тварюка сбежать собирается.

Я резко обернулась. Зверь осматривался и принюхивался, подняв по ветру свой маленький черный нос. Может, и вправду, пытается унюхать, где логово его семьи, куда направиться дальше? Но, покрутив головой по сторонам, щенок, поджал маленький хвостик и потопал в мою сторону. Давид присвистнул:

- Охренеть! Как ты это сделал?

Я пожала плечами. Ничего специального я делать и не собиралась. Он сам меня выбрал. А я его. Подхватив Зверя на руки, я уже собралась вернуться в бункер, как Давид окликнул:

- Слушай, Мастер! Так, кажется, тебя молодежь наша зовет? У меня к тебе просьба есть, личная. Ты при них-то меня так не опускай больше! Ну, мордой в землю! Зачем тебе

враги?

- Ты мне угрожаешь?

- Ни в коем случае. Тем более, что у тебя такой покровитель теперь имеется.

- Какой покровитель? - я была удивлена и не понимала, на что он намекает.

- Ну, Пророк, какой же еще? Тебя позвал невесту себе выбирать. Меня не спросил даже, так выслушал - постольку-поскольку, потому что рядом с ним оказался.

- А может, у вас с ним вкусы не совпадают?

- А у вас, значит, совпадают? И каковы же они, ваши вкусы? Твои-то понятны - мужиков предпочитаешь? А его?

Из тени, отбрасываемой навесом, небольшой крышей на подпорках, у самого входа в бункер донесся спокойный голос:

- Давид, ты забыл свое место. Надоело быть моим телохранителем? Я устрою так, что в штурмовую группу Жука попадешь, будешь зачищать непослушных. И чтобы ты уяснил и впредь не задавал подобных вопросов, я отвечу - мои вкусы не твоего ума дело. Твое дело - хорошо выполнять свою работу и открывать рот только тогда, когда я разрешу. Усек?

Давид был в ярости. Это чувствовалось - даже скрип сжавшихся зубов, казалось, слышен был. Но ему удалось сдержаться.

- Усек. Не надоело.

- Что?

- Не надоело, говорю быть твоим телохранителем. Подобного больше не повториться.

Я поняла, что лучше сейчас для меня потихоньку свалить в спальню, но проходя мимо Пророка, была остановлена его тихим, видимо, чтобы не слышал Давид, вопросом:

- Тебе не спится?

9. Когда не спится.

...Шум, крики, стоны, далекое стрекотание автомата, удары тяжелых кулаков и прикладов и чавканье то ли крови, то ли грязи под ногами. И где-то впереди, в комнате под кроватью (я знаю это, чувствую всей своей кожей, всем телом), сидит кто-то маленький, испуганный, безумно фонащийся своей оранжевой аурой с красными вполухами страха. В пылу сражения мои бойцы не замечают его. Я наклоняюсь и вытаскиваю из укрытия мальчишку. Он дергается, пытается вырваться, орет на одной ноте.

- Заткнись, иначе пристрелю.

Ор обрывается тут же.

- Идешь за мной молча и след в след.

Выхожу из здания, простой прямоугольной типовой коробки, под дождь на улицу, оборачиваюсь к ребенку, послушно ковыляющему следом и вижу... не подсознательно, внутренним зрением, а по-настоящему, глазами, которых нет, вижу перед собой вовсе не ребенка, а уродливую тварь с оскаленной пастью, клыки, с которых на землю капает кровь... моя кровь. И просыпаюсь.

Пять минут на осознание того, что все это - бред моего мозга. Две, чтобы подняться и нашарить в моей темноте выход из незнакомого помещения. В здании больницы, где раньше размещалась моя группа, а потом и во всех комнатах

завода, на территории которого уже несколько лет мои ребята живут вместе с кланом Антона Жука, я ориентировался замечательно - быстро запоминал все повороты, словно карту зарисовывал, стоило хотя бы раз пройти по комнатам, коснуться стен и мебели руками. Но здесь, в этом бункере, я был впервые.

Хорошо смазанные двери даже не скрипнули. На улице тоже было темно. Я не видел этого - степень темноты, ее оттенки были для моего зрения недоступны. В отличие от степени освещенности - яркий свет мой правый глаз видеть еще был способен. Но, в качестве компенсации, природа, или кто там еще, высшая сила какая-то, наделила меня другой способностью. И речь вовсе не о моем необычном зрении, не только о нем.

Я чувствовал прикосновение ночного ветерка так остро, так тонко, что волоски на коже, там на оголенных участках рук, вставали дыбом. Моя кожа, а особенно подушечки пальцев, были безумно чувствительными. Трогая что-либо, я мог ясно представить себе и сам этот предмет, и окружающие его вещи. От этого легкого ветерка, струями омывающего мою кожу, меня бросило в дрожь. Точно также было, когда Саша потрогал... Я мотнул головой, избавляясь от безумных мыслей, и услышал их разговор.

Мне нравился Давид. И сейчас я отлично понимал, почему он именно так, а не иначе, разговаривает с парнем. Он чувствует в Саше соперника для себя. И не только потому,

что этот мальчишка, благодаря своим способностям, телохранителем сможет быть лучшим, чем сам Давид. Но и потому, что ощутил мое к нему расположение. Боится потерять место под солнцем!

Мои бойцы имели привилегированное положение, по сравнению с другими отрядами. Во-первых, ко мне попадали самые лучшие - и сам факт отбора уже означал особую значимость. Во-вторых, главная их задача - охранять Пророка, тренироваться и отдать жизнь за меня, если понадобится. То есть, вовсе не так утомительно, как, например, строить очистные сооружения под руководством Ярослава или зачищать буйные отряды каннибалов, не желающих подчиниться Жуку. Им не нужно вкалывать на заводе, переделывая сгнившую систему канализации или пристраивая новую казарму для бойцов. А еще у них всегда были лучшая еда, лучшее оружие, лучшая одежда, новые впечатления - мы не оставались на одном месте дольше, чем на несколько суток, и, конечно, мои личные поблажки - в меру, и изредка, но у Антона, например, и этого выпросить было нереально.

Я знал, что среди молодых даже устраивались соревнования, победитель которых становился одним из моих солдат. Всего их было пятнадцать человек, самых лучших, тренированных лично Ярославом, умеющих сражаться группой, без слов понимающих меня и друг друга. И Давид всегда был первым из них. Начальником охраны, так сказать. Я уважал его и многое ему прощал. Но сейчас он перегнул палку. В

словах Давида мне послышалась неприкрытая угроза. И я вступился вовсе не потому, что мне хотелось защитить парня. Главное мое требование - никакой вражды в отряде, каждый из ребят должен быть уверен в том, что за его спиной стоит друг, и этот друг всегда прикроет, а не поставит подножку. Да, Саша - не один из них, но пока он с нами, относиться к нему нужно так, как ко всем остальным.

Парень с собакой на руках собрался проскользнуть мимо, но я становил.

- Не спится?
- Зверь попросился в туалет.
- Он не пытается тебя укусить. Наоборот, жметя к тебе,
- я "видел", как животное, свернулось у него на руках.
- Откуда ты знаешь?
- Вижу.
- Видишь? Но ведь... но ты же...

Почему-то для Саши было трудно назвать меня так, как звали до получения статуса Пророка все. Почему-то слово никак не желало слетать с его губ.

- Слепой? Да. Но это, оказывается, еще не приговор. Хотя несколько лет назад я думал иначе. И даже в какой-то момент хотел покончить с собой. Я вижу. Мое зрение достаточно своеобразно и избирательно, но силуэты, размеры, преграды на пути, а самое главное, внутреннее содержание тех, кто находится передо мной, я, действительно, вижу.

- А... меня, например, ты тоже видишь?

Я кивнул, но потом вспомнил, что сейчас ночь и решил, что Саша-то, как раз, в данный момент может меня видеть плохо.

- Да. И тебя.

- И какой я? Твоими глазами?

Я задумался. Но сам ведь подвел его к этому разговору? Нужно было отвечать.

- Когда ты вошел в мою комнату неделю назад, я подумал, что передо мной - девушка. Тебя окружает теплый желтый, солнечный даже, свет. И свет этот дает тепло, оно материально, его можно потрогать, я его ощущаю всей кожей.

Некоторое время он молчал. На ответ я не надеялся. Да я и не задавал вопросов. И когда я повернулся ко входу, чтобы вернуться назад в казарму, Саша неожиданно сказал:

- А знаешь, какой ТЫ? Ты - удивительный, благородный, понимающий, добрый. Ты притягиваешь к себе взгляды всех окружающих, где бы ни находился. Ты - потрясающе красивый. И если уж переводить впечатление о человеке в цветовой диапазон, то для того, чтобы описать тебя не хватит цветов, имеющихся в нашем мире.

Я стоял ошеломленный. А он, обойдя вокруг, первым вошел в бункер.

10. Невеста №2

Невозможно уйти от своей собственной сути. Полжизни я убеждала себя в том, что мужчиной быть легче. Я мечтала о том, что было бы, если бы я родилась не беспомощной девчонкой, а парнем. Нельзя сказать, что мужчинам в нашем мире было проще жить, нет. Они также подвергались насилию, также унижались, и их тоже запросто могли убить, как и женщин. Но все же... Все же шансов было побольше.

К женщине же изначально в любом клане отношение было снисходительно-покровительственное. Давно ушли в прошлое те прекрасные времена, о которых писалось в моих любимых книгах, когда мужчина добивался внимания девушки, когда последняя могла выбирать. Сейчас подобным правом владели очень немногие. Те, кто имел семью, у кого был защитник, в первую очередь, отец.

Вот и с этой неудачливой невестой, Майей, произошло также. Пока ее отец - воин и охотник был жив, девчонка имела сильного защитника, покровителя, готового сражаться за нее до последней капли крови. Но как только он умер, ребенок стал разменной монетой, товаром, которым сильные мира сего позволяли себе обмениваться, расплачиваться за сомнительную веру в чью-то благосклонность.

Именно женщин чаще всего приходилось охранять мне. И однажды даже целый год я прожила в доме одного из важных

людей Новгорода, ни на шаг не отходя от его маленькой дочери. Ее отцу казалось, что ребенка могут украсть его многочисленные враги. Я по-началу не верила, но однажды все-таки попытка совершить подобное была предпринята. Но я смогла помешать.

Я никогда не хотела быть женщиной. За столько лет ни разу не возникло и мысли, чтобы ею открыто представляться. А сегодня... сегодня впервые пожалела, что меня считают мужчиной. Слушая Пророка, всем сердцем откликаясь на странные, необычные нотки в его волшебном голосе, я всей душой хотела быть девушкой... для него. И еле-еле сдержалась, чтобы не признаться.

...

На следующий день мы возвращались на завод, так сказать, на базу. Машина тряслась на ухабах - от асфальта на улицах города остались одни ошметки. Зверь жался ко мне и скалился, обнажая маленькие белые зубки, если кто-то из ребят позволял себе обратить на него внимание - просто посмотреть пристально, не говоря уж о том, чтобы протянуть руку и погладить. В машину набилось девять человек, при том, что рассчитана она была на семь не более. Прижатая к дверце, не имеющая возможности даже полноценно вдохнуть, я переживала за собаку - ему явно не нравилось соседство других людей. Вдруг да цапнет кого-нибудь? Ребята ему не простят.

Управлял машиной Давид. Пророк сидел впереди на пас-

сажирском месте. Капюшон кожаной куртки был натянут на голову, закрывал часть его лба. Скулы покрывала неожиданно черная, по контрасту с седыми волосами, щетина. Рискую быть пойманной, я украдкой разглядывала его. И мне уже не казались уродливыми его шрамы. И смуглая кожа... и прямой нос... и родинка, чтоб ее - невозможно отвести глаз. Дурра, ненормальная! Вон, на Давида пялься! Это хотя бы будет объяснимо - черноволосый, чернобровый, голубоглазый красавец с пухлыми губами, высоченный и широкоплечий - я легко признала бы, что более красивого мужика не встречала в своей жизни никогда. Но насильно взгляда удержать не могла, и он снова и снова сползал на Пророка.

На полпути водитель неожиданно свернул направо и поехал в совершенно другую сторону. Молодые бойцы почему-то радостно заулюлюкали, Давид рассмеялся, сверкая в зеркало заднего вида своей белозубой улыбкой. Мне никто не говорил, что будем заезжать куда-то по пути, но, по всей видимости, этот факт был известен только командиру и его главному помощнику.

Мы остановились возле трехэтажного особняка, явно старинного, с балкончиками, чудом сохранившимися окнами и странной вывеской, написанной мелом от руки, прибитой прямо к стене над входом между первым и вторым этажами. Небольшой деревянный козырек, видимо, должен был спасти надпись от вечного дождя, от никогда не прекращающейся мороси. Но не спасал, и прочесть написанное все

равно можно было с трудом. Я разобрала всего пару слов: "Красная... удовольствий".

- Что это за надпись? - спросила я у ребят, оставшихся в машине, когда Пророк с Давидом, взяв в качестве сопровождения троих бойцов, вошли в здание.

Степка и Данила, самые талантливые мои ученики, переглянулись. Степка спросил:

- Мастер, ты как давно в Питере живёшь?

- Месяц.

- И за это время ничего не слышал о "Красной розе"?

Я пожала плечами - действительно, ничего не слышала.

- Это - лучший бордель города, - ответил Данила с какой-то гордостью в голосе.

- И много их у вас? - спросила, с ужасом подумав о том, что Пророка сюда привело явно не банальное любопытство.

... В огромной комнате, увешанной по стенам коврами, играла музыка. Старинный патефон на столике в углу скрипучим голосом пел что-то про "Миллион алых роз". На диванах и креслах развалились некоторые из бойцов Пророка. Было здесь и несколько незнакомых мне, бородатых, внушительного вида мощных мужчин. Вокруг крутились полуголые девицы, большинство из них из одежды на теле имели только некое подобие трусов.

Я сидела возле барной стойки в углу комнаты. За стойкой, топталась девушка-бармен в мужском наряде. Передо мной стояла кружка с каким-то напитком, вероятнее всего, спирт-

ным. Но я почему-то все никак не могла заставить себя отхлебнуть.

Пророк появился позже вместе с женщиной, одетой броско и вызывающе, но хотя бы не голой, как большинство. Ему тут же уступили место на диване, стоящем в центре комнаты. Когда он сел, она тут же, словно для этого и пришла, запрыгнула к нему на колени. Теперь, подогреваемая странным чувством неприязни, возникшим к этой женщине, я осмотрела ее внимательнее. Длинные прямые черные волосы. Пышная грудь и тонкая талия, затянутая в корсет. Алые губы на выбеленном лице. Она вела себя у него на коленях так, как будто имела какие-то права на этого мужчину. Слепой же откинулся на спинку дивана, не прикасаясь к ней. И, вроде бы, даже не обращал внимания.

Бородачи завели разговор о каком-то неопознанном разведывательном отряде, недавно замеченном неподалеку от города. По разговору я поняла, что это были представители небольшого клана, дружественного группировке Жука, который контролировал одну из застав на выезде из города. Слепой выглядел расслабленным и спокойным, тогда как бородачи волновались и требовали усилить их группировку за счет солдат Жука.

- Слепой, нам нужна ваша помощь! Вдруг это - бойцы Земцова? Вдруг захват города начнут?

- А вы разведку проводили? По нашим данным, пока вблизи города никаких сил возможного противника нет. По-

этому нет никакого смысла усиливать вас сейчас.

- Но раз уж появился отряд разведчиков, то планы их понятны - рано или поздно начнут операцию по захвату города! И именно мы окажемся на самом опасном участке.

- Мои странники пока ничего не говорят о подготовке Земцовым войск.

Это была важная для меня тема и я, конечно, понимала, о чем идет речь. Наш город и моего отца, в первую очередь, волновала именно эта проблема. Президент Москвы Земцов, пару лет назад захватив власть в городе, решил распространить свое влияние дальше. И главной его целью является, естественно, Питер. Ну а мой родной город находится как раз на пути. И разведывательные отряды Земцова, оказавшиеся для главных группировок Питера новостью, нами наблюдались уже давно. Отец надеялся на поддержку клана Антона Жука, самого сильного в городе, если вдруг Земцов попытается захватить Новгород. Собственно, затем и я здесь. Мне во что бы то ни стало нужно расположить Слепого к себе, к отцу, настроить именно его, потому что он, как Пророк, с помощью своего дара, легко убедит любого.

Попасть под влияние Земцова было нельзя. О его боевых отрядах ходили жуткие слухи - невиданная жестокость по отношению к захваченным, отсутствие какой-либо альтернативы для последних - никаких требований о сдаче, никаких предложений и ультиматумов. Земцовцы просто приходили, убивали защитников, забирали в плен оставшихся, тех же,

кого считали по какой-то причине бесполезными для себя, просто убивали.

С некоторых пор, по данным отцовского шпиона, работавшего в клане Земцова, последний был просто одержим идеей экспансии на Север. Крупномасштабное наступление вот-вот начнется, бородачи в этом вопросе не ошибались.

Я задумчиво крутила в руках красивый стеклянный бокал, так и не решившись попробовать, странное по цвету и отвратительное на запах, спиртное. В этот момент внимание привлек вопрос одного из бородачей:

- Слепой, нам сорока на хвосте принесла весть о том, что ты ищешь невесту? Неужто так местные девочки надоели?

Черноволосая красавица обиженно замерла на коленях Пророка, так и не донеся до его рта свою ручку с маленьким кусочком мяса. Почему-то меня покорило от понимания того, что размер куска был таким не просто так - она намеренно отрывала поменьше, чтобы он был вынужден касаться ее пальцев губами!

- Я еще не решил. Вот возьму и на Розе женюсь!

- А ты подумай, подумай, мой милый, никто тебя так любить не будет, как Роза! - она распласталась по его груди, целуя в подбородок, подбираясь к уголку рта.

- Как Роза, которую любили все мужики в городе! - заржали бородачи.

- Опыт в нашем мире тоже немало значит! - она обиженно надула губы.

- Роза, цветочек мой, - его бархатный голос обволакивал, заставлял меня жалеть, что это не ко мне он так обращается, что это не меня сейчас... - Я же потребую от тебя абсолютной верности. И бизнес твой придется передать в другие руки - мне жена нужна рядом, а не где-нибудь в борделе, в десяти километрах.

- Женечка, я на все готова, ради тебя, ты же знаешь!

Я не знала его имени до этого момента. А услышав, захотела повторить, попробовать его на вкус. Не-ет, не подходит ему - вон он какой, сильный, мужественный, с плечищами широкими, с руками мускулистыми, венами перевитыми - а имя ласковое, нежное какое-то! Хотя, если... не додумала, не успела... Пророк, неожиданно повернувшись ко мне (как? ну как он понял, что я здесь, в самом уголке огромной комнаты сижу?), позвал:

- Саша! Подойди ко мне!

Я шла с неохотой. Потому что не могла отвести глаз от его широкой ладони, лежащей на заднице хозяйки борделя. И боялась, что другие заметят, обратят внимание на мое неравнодушие.

- Что ты хотел, Пророк?

Один из бородачей неожиданно схватил меня за локоть и дернул, разворачивая лицом к себе. Я инстинктивно, обхватив его запястье, заломила руку своим самым любимым захватом. Он громко вскрикнул. И, кажется, кто-то из наших даже схватился за оружие.

- Алан, ты что, сука, делаешь? Зачем хватаешь моего бойца? - рука Слепого недвусмысленно легла на рукоятку пистолета, торчащую из кобуры на боку.

Я осторожно отпустила мужика из захвата. Он, потирая запястье, удивленно проговорил:

- Вообще-то, я был уверен, что это девонка. Подумал, что подруга твоя или новенькая здесь, под мужика косящая. Хотел получше рассмотреть.

В комнате воцарилась тишина.

- Хм, девчонка говоришь? - Слепой ссадил проститутку на диван рядом с собой. - Вот такая вот внешность у моего нового бойца. Но это, как видишь, не мешает ему быть самым лучшим в своем деле.

Бородатый недоверчиво смотрел на меня, взгляд скользил вниз к груди, которую при всем желании он рассмотреть не мог. А Пророк сказал, теперь уже обращаясь ко мне.

- Я зачем тебя позвал, Саша? Я вспоминаю твою первую тренировку, там во дворе завода. Ты проверял моих бойцов на наличие у них каких-то энергетических, ментальных возможностей, резервов Силы. Проверь для меня вот эту девушку. Сможет ли она стать для меня помощницей на выступлениях, энергией подпитывать будет?

Я не совсем понимала - одно и тоже ли, та Сила, которую я искала в своих учениках, и то, что было нужно Слепому. Мне казалось, что отец намекал ему на нечто другое - на родство душ, на близкого человека, готового для него, для Пророка,

отдать не только свои душевные силы, но и жизнь, если потребуется. Но спорить не стала.

- Протяни ладони, - сказала негромко Розе.

11. Как избавиться от невесты.

Идиот! Зачем ты это затеял вообще? И ведь знал о чувствах Розы! А теперь, зачем-то предложив невозможное, ругал себя за ложную надежду, данную ей. Все равно ведь не возьму ее в жены!

Лет пять назад я впервые оказался в этом борделе. Роза уже тогда была его хозяйкой. Точнее, владел борделем ее покровитель, наш местный бизнесмен Аркадий Кротов, по кличке Крот, хозяин всевозможных притонов, точек по торговле алкоголем, табаком и наркотиками, которые процветали в городе. И звали ее, на самом деле, совсем по-другому. Не знаю, помнила ли она сейчас сама свое настоящее имя. Я помнил.

В то время она обслуживала только самых значительных клиентов. Крот, желавший воспользоваться услугами одного из моих странников-шпионов для того, чтобы навести мосты по торговле своей наркотой в Москве, предложил мне за посредничество помимо денег свою вип-девочку. Я не отказался. В тот момент Крот был мне нужен.

Она оказалась страстной, действительно, многое умеющей в постели и согласной на любой эксперимент. Пару раз я заезжал в этот бордель потом. И уже без протекции Крота, она почему-то всегда обслуживала меня сама, хотя я на этом и не настаивал. Потом, спустя время, когда Крота неожидан-

но пристрелили на улице, я понял, в чем дело. Она призналась, что любит меня, и не желает, чтобы кто-то из ее девочек даже приближался ко мне.

Путем несложных махинаций и демонстрации моей, тогда еще достаточно скромной, но боеспособной, армии, тому ушедшему парню, который, пришив Крота, решил завладеть его бизнесом, это заведение отошло в мои руки. Роза все также управляла им. А мои ребята получили возможность бесплатно, в качестве поощрения, и по моему особому разрешению, пользоваться услугами его работниц. Ну а я получал деньги. Да, этот "бизнес" был не очень-то благородным, но он бы не прекратил своего существования, если бы не я, а кто-то другой взял его в свои руки.

...Я не любил ее. А сегодня, позволив по ее обыкновению, усесться на мои колени, я почему-то не испытывал практически ничего. Даже легкого возбуждения. Сегодня она меня раздражала. Целовала и раздражала. Касалась и раздражала. Елозила своей задницей по моим бедрам и раздражала.

А вот происшествие с Аланом заставило меня крепко задуматься. Алан был еще тем любителем женщин. Трахал все, что движется. И делал это с размахом и выдумкой. И уж он-то точно знал толк в бабах. А еще он был зрячим. Почему, почему его вдруг заинтересовал мой странный боец?

Войдя в комнату, его я "увидел" первым - солнечного, тёплого, искрящегося. Я проклинал себя, но меня к нему тянуло. И физически тоже. Блядь, очевидный диссонанс пере-

ворачивал мое сознание - мне было отвратительно от своих мыслей и тягуче сладко от них же.

Пару раз я пытался себе представить физический контакт с ним - как я беру его за руку, например. И меня передергивало от отвращения, когда я вспоминал, что он - мужчина. Но потом я концентрировался на тех ощущениях, которые возникали у меня, когда он находился рядом, и я хотел... меня потряхивало даже, от безумного желания дотронуться по своей собственной инициативе... Я - долбаный извращенец!

И вот сейчас он водил руками над Розиными ладонями и молчал. А я почему-то думал, что некрасиво с моей стороны перекладывать ответственность на его плечи. При том, что я ему, похоже, нравлюсь. Идиотизм какой-то! И когда я уже был готов прекратить этот эксперимент, он вдруг сказал:

- Роза, у вас очень приятная энергетика. Вы - сильная женщина и, я думаю, сумеете помочь, напитать, если не силой, то любовью точно, - а потом, обращаясь ко мне. - Пророк, она - не пустышка ментально, но сможешь ли ТЫ, захочешь ли, брать у нее то, что она пожелает отдать тебе?

Су-ука, не буду! Не захочу! Не смогу... А вот твоя сила влечет меня и манит и греет, тянет и отталкивает! Но я, конечно же, не сказал этого.

- Слышь, боец, - услышал я голос того же Алана. - Меня тоже посканируй!

Я снова напрягся. Я не хотел, чтобы Алан к нему прикасался. Ссадил с колен, забравшуюся сюда снова Розу, и ска-

зал:

- Саша - на выход. Роза - ты тоже, покажи ему отдельную комнату.

- Девочку прислать? - обиженно спросила она.

Я повернулся к парню, с интересом ожидая ответа.

- Э-э, нет, не сегодня.

- Ты уверен? - с неприязнью спросила Роза. - Во второй раз не предложу.

- Уверен.

- Алан, останься, - приказал, понимая, что мне отказать он не посмеет.

А потом, наедине, я задал ему вопрос, который не давал покоя, хотя, возможно, в глазах постороннего и выглядел глупо:

- С чего ты взял, что мой боец - женщина?

Алан отвечал так, будто это само собой разумеющееся:

- Ну, Пророк, тут же не объяснишь даже... Кожа такая прозрачная - нигде щетина не пробивается. Овал лица... реснички там, глазки... да, волосы обстрижены коротко, но этот факт только идиота обмануть может или, например...

Он замолчал, но я знал, что бородатый хотел сказать.

- Или Слепого?

12. Невеста №3

Я металась по комнате, на которую мне указала Роза. Заставляла себя успокоиться, улечься на кровать, застеленную красивым покрывалом с рюшечками, поверх которого, свернувшись калачиком, дрых Зверь, и спать, и не могла подчиниться здравому смыслу.

Я вполне отдавала себе отчет, что мои чувства неуместны и неоправданы. И ничего не могла с собой сделать. Я не хотела, чтобы Пророк сейчас был с этой проституткой Розой. Я не хотела, чтобы он был с любой другой из местных жриц любви. Мне было больно от мысли, что кто-либо из женщин касается этого мужчины, как если бы я имела какие-то права на него... Я отлично понимала, что со мной происходит. Я впервые в жизни влюбилась! За неделю рядом с ним... ага, вранье! В тот самый первый день, когда увидела, как он отжимался в своей комнате!

Стук в дверь прервал мои глупые мысли. Я открыла. Вернулась Роза. Она даже передо мной стояла в соблазнительной позе, полубоком, так, чтобы было видно прямую линию полного, но красивого, бедра.

- Что ты хотела?

- Са-а-аша, - пропела она. - Почему так недружелюбно? Я поговорить. Мне показалось, что мой Женечка к тебе прислушивается. А ты, вон, хорошее обо мне сказала!

Нет, она явно не оговорилась! Она, конечно, понимала, кто я. Роза уверенно зашла в комнату и прикрыла за собой дверь.

- Ты можешь дурить кого угодно, но меня - не получится. Поверить не могу, что они тебя могли за мужика принять! Ох, глупые! Мужланы, что с них взять! Посоветуй ему, прошу тебя! - Роза умоляюще сложила руки. - Я отблагодарю, обещаю! Понимаешь, я люблю его! Он такой... такой потрясающий... он говорит, а у меня от голоса одного сердце замирает! А если другую, не меня выберет? Ко мне даже не заедет больше? Как жить тогда? Поможешь?

- Не думаю, что он меня послушает.

Мне было жаль ее. Я отлично понимала, как именно влияет на женщин волшебный голос Пророка! На меня-то тоже... Но не была уверена, что смогу себя заставить ему советовать такое...

- Но ты хотя бы попробуешь?

- Хорошо. Попробую.

Она, как девчонка, подпрыгнула на месте, подскочила ко мне, обняла и поцеловала в щеку.

- Спасибо! Сейчас Ленуську пришлю с выпивкой и едой для тебя! Что еще любишь? Курево, наркотики, мальчики-девочки?

- Нет-нет, единственное, может, для собаки дашь какую-нибудь посуду.

... И на следующий день мы не поехали на завод. Про-

рок принял решение отправиться с бородачами к ним, чтобы осмотреть место, где были замечены разведчики. Но, судя по шуткам бойцов во время моих с ними занятий во внутреннем дворе борделя, бородачи все-таки уговорили Пророка посмотреть невесту.

Ехать пришлось недолго - всего каких-то полчаса. Бородачи, как я их называла, сами себя звали Пограничниками. И это было объяснимо. Жили они, действительно, на самой границе города с густо заросшими деревьями и кустарником заброшенными землями, когда-то, наверняка, служившими людям в качестве полей.

Клан Пограничников располагался на территории бывшего детского сада. И, наверное, это символично смотрелось - в большой крытой беседке, с едва просматривающимися утятами и цыплятами, нарисованными когда-то на боковых стенах, за двумя столами-партами сидели пятеро разновозрастных детей. Перед ними с книгой в руке прохаживалась молоденькая девушка с длинной каштановой косой. Девушка читала, а дети писали под диктовку.

Алан, на правах старшего, открыл перед Пророком дверцу машины и сразу же, с места в карьер, махнул рукой в сторону беседки.

- Пророк, а вот и наша Анечка! Просто - золото, а не девочка! - расхваливал, расплывшись в неожиданно ласковой улыбке. - Она у нас грамотная, мать выучила. Так вот, теперь вместо матери своей, деток учит. И наших и из соседнего

клана Техников привозят два раза в неделю.

Девушка, действительно, была чудо как хороша - начиная от голоса, звонкого, ласкового, заканчивая косой этой - у меня-то никогда такой не было, ну разве что в те годы, когда мама жива была. Отец всегда стриг очень коротко, чтобы не возиться с моими волосами. Коротенькие волнистые прядки обрамляли ее нежное личико с аккуратными бровками, маленьким прямым носиком и неожиданно пухлыми, чувственными губами. Одета она была в скромную вязаную кофточку голубого цвета, застегнутую на все пуговицы до самого горла и длинную черную чуть расклешенную юбку.

Она, казалось, не замечала толпу мужиков, высыпавших из двух машин. Все также медленно, напевно читала, периодически заглядывая в тетради своих учеников, и пальчиком тыкала куда-то в написанное - видимо, указывала на ошибки. Но не ругала, а наоборот, гладила по голове.

Бойцы сгруппировались в десяти метрах от беседки, а Слепой вместе с Аланом пошел к ней. Алан по пути сказал одному из своих ребят:

- Зови главного! Быстро.

Парень кинулся в здание. Слепой, я видела это, заинтересованно вслушивался в ее голос! И этот факт ревностью резанул по моему сердцу! Почему, почему я это чувствую? Я для него - просто один из бойцов, парень, который умеет драться, не более! Я не должна, не имею права! Да и как можно вообще представить себе мои и его отношения? По-

дойти и сказать: "Ты знаешь, Пророк, ты мне нравишься! Не ищи себе невесту, я ею буду? Да-да, я не мальчик, а девочка, представляешь? И я ради тебя брошу своего отца, свой город, людей, которые во мне нуждаются!" Эти мысли немного отрезвили.

Посадив щенка на покрышку, кем-то брошенную посередине огромного двора и приказав сидеть, я позвала ребят, и мы начали тренироваться, как делали всегда в свободные минуты. И я изо всех сил старалась даже не смотреть в сторону беседки, откуда веселой стайкой уже давно убежали дети. Но все равно, в те минуты, когда ребята отрабатывали новый прием, а я отходила в сторону и следила за правильностью, взгляд то и дело сползал туда, в беседку, где по приказу лидера клана Пограничников накрывали стол.

Позовет меня, как у Охотников, чтобы посоветоваться или нет?

13. Слепой в раздумьях.

Да-а, эта девушка была то, что надо. Голос - волшебный. Энергетика - положительная, спокойная. На мою отпугивающую внешность отреагировала вполне себе нормально - никаких вспышек отвращения или ужаса я в ее ауре не заметил. И рассказывала мне о своей работе она с жаром, с интересом - сразу видно увлеченного, умного человека. Она была дочерью лидера клана - Рената. И только одно "но" смущало меня. Я специально в момент знакомства взял ее за руку. И совершенно ничего не почувствовал - ни волнения, ни тепла, ни желания подержать эту ручку подольше в своей ладони.

Я сидел за столом рядом с Анной и злился. На себя и на... Сашу! За то, что даже сейчас наблюдаю за тренировкой ребят и внимательно слежу, блядь, за каждым его движением! Наваждение какое-то! Я ведь никогда в своей жизни склонности к своему полу не имел! Только женщины, мать его! А вдруг... все-таки мне морочат голову? После реакции Алана на Сашу я начал сомневаться: мои собственные ощущения, его слова, утверждение Давида, что парень внешне, точно девчонка. Что-то здесь явно не так. Я позволил себе на секунду представить, что Саша - девушка, по какой-то, пока непонятной для меня причине, представившаяся парнем... и, су-ука, во рту пересохло, а в штанах предательски дернулось...

- А-а, что? - задумавшись, я потерял нить разговора и совершенно не слышал, о чем меня спрашивает моя очередная потенциальная невеста (вот интересно, откуда все узнают, что я решил найти себе женщину?)

- Я говорю, в вашем клане есть учитель? Вы учите своих детей читать и писать?

- Нет. Но мы думали об этом. Возможно, твой опыт нам бы пригодился.

- Отец говорил мне, что вы ищете невесту. И я так понимаю, что в данный момент у нас смотрины...

Умная девочка. Всегда такие нравились.

- И что ты об этом думаешь?

- О вас конкретно? Или о том, что меня хотят насильно выдать замуж?

- Хм. Насильно говоришь? Обо всем.

- Вы - привлекательны, харизматичны. Как девушке, мне не может быть неинтересна ваша сила, власть и уникальные способности, о которых ходят легенды. Просто я не хочу замуж. Совсем. Мне хорошо и в моем нынешнем положении. А муж... вы же понимаете, что вас я совсем не знаю. Вдруг вы - жестокий, вспыльчивый, грубый? Вдруг вы бьете женщин? Вдруг мы не найдем общий язык?

- Но ведь я не сказал, что хочу жениться именно сегодня. Мы вполне можем получше узнать друг друга, познакомиться. Я никуда не спешу. На таких условиях вы согласитесь?

Она помолчала некоторое время. А потом ответила:

- Да. На таких - соглашусь.

А я подумал, что это - тоже не мой вариант. Не тянет. Не заводит. Да, хороша. Но не моя, не для меня. Но может, если присмотреться, пообщаться, переспать с ней, в конце концов... Может, чувства, эмоции какие-то, будь они неладны, со временем появятся?

Пообедав в беседке, мы с Ренатом и его людьми отправились осматривать место, где совсем недавно были замечены люди Земцова. Но это, естественно, было бессмысленно - неделя прошла, там кто только не топтался! Ренат настаивал на необходимости получить помощь от нас в виде бойцов и вооружения. Он опасался нападения именно здесь, на их заставе. И я понимал, что когда-нибудь именно так и будет.

- Ренат, я обещаю, что на военном совете замолвлю словечко. И мы обязательно усилим вас. Но размеры помощи определять будет Жук, сам понимаешь.

Он обрадовался:

- О-о, это уже немало значит! Ты сумеешь убедить любого, я знаю! Ну, а дочка моя? Как она тебе? Я слышал, ЧТО она говорила тебе! Я уверяю, если она тебе приглянулась, я сумею ее убедить. Она согласится.

- Как? Побьешь ее?

- Будет нужно, побью! Ты не думай, я люблю ее. Но... чувствую, Пророк, чувствую, что скоро начнется. Скоро попрут москвичи! А если начнется, мы будем первыми, кто встанет на их пути. И первыми, кого сотрут в порошок. А ты сумеешь

ее защитить! Она - все, что у меня осталось. Подумай, прошу тебя! Я знаю, ты - хороший человек, благородный. Ты не обидишь, не бросишь. Я был бы спокоен, если бы ты увез ее.

Я задумался. В принципе, этот вопрос можно решить.

- Ренат, я могу взять ее в качестве учителя для наших детей. И, если так тебе будет спокойнее, найти для нее нормального мужика. Будет жить у нас, но сможет приглядеться - ты знаешь, что холостых бойцов у нас гораздо больше, чем в любом другом клане в городе. Может, эта проблема сама собой решиться - кто-то ей понравится. А я пригляжу за ней.

- О-о, я не знаю, как и благодарить тебя! Только знаешь, Пророк, было бы лучше, если бы у нас думали, что ты Аню берешь, как невесту, хотя бы пока вы здесь. Если мои узнают, что я дочку спасаю - паника может начаться, каждый своих будет прятать, дезертирство может случиться....

Он был абсолютно прав. Я кивнул, соглашаясь:

- Только с дочкой сам договорись - истерики мне не нужны.

- Об этом можешь не беспокоиться. Она - девочка умная, поймёт.

... Во время ужина мы старательно играли роль будущей пары. Она сидела со мной рядом, плотно прижатая бедром к моей ноге - в беседке было много народу - и старательно скрывала слезы.

- Аня, не бойся, я не обижу тебя. И другим не позволю. Считаю, что я тебя нанял, как учительницу.

- Все, что у меня сейчас есть, это ваше слово.

- Мое слово - это уже немало. Поверь мне, некоторые мечтают им заручиться.

- Я верю.

Мне выделили отдельные апартаменты, неподалеку от комнаты, в которой разместились мои бойцы. По своему обыкновению, усилив посты пограничников своими людьми, я отправился в отведенную комнату, отказавшись от предложения Рената помочь в ней устроиться. Я сам! Я не беспомощный. Я вижу.

На столе кто-то зачем-то (забыли, что я - Слепой?) оставил зажженную керосиновую лампу. Яркий свет правый глаз пока еще видит, отметил я с горькой радостью. И только для того, чтобы убедиться в этом, сразу не погасил ее. Разделся по пояс, сделал весь комплекс своих вечерних упражнений и только потом шагнул к столу, чтобы погасить огонь.

А нужно было сначала все здесь исследовать! Неожиданно зацепился ногой за что-то мягкое и широкое на полу (оторван кусок линолеума?), успел ухватиться за стол, по инерции дернул его на себя. Лампа упала на пол, что-то, сложенное на стуле у стены мгновенно загорелось.

- Сука... Давид!

Он должен быть где-то поблизости! Пока я пытался нащупать что-то, чем можно было бы потушить огонь, в комнату ворвался кто-то, кого я просто не успел "рассмотреть", и ринулся тушить огонь.

Я спокойно уселся на кровать, наблюдая своим внутренним зрением, как огонь утихает и понимая, кто именно его тушит.

Когда огонь погас окончательно, он почему-то не ушел сразу, а приблизился к кровати, опустился на колени передо мной и спросил испуганно:

- Женя, ты не пострадал?

14. Невеста №4 ?

Как же я испугалась за него! Шла по коридору, когда услышала из комнаты Пророка грохот, его сдавленный вскрик и ругань. Сердце упало куда-то вниз, заставляя меня рвануть дверь изо всех сил. За столом у стены горел стул с какими-то тряпками, набросанными на спинку.

Сам Пророк, на первый взгляд - целый и невредимый, стоял в центре комнаты, чуть склонив голову и повернув лицо в сторону огня. Я сорвала с кровати одеяло и набросила его на горящий стул. Буквально десятка ударов было достаточно для того, чтобы огонь погас.

Когда все закончилось, я обернулась к мужчине. В темноте было не разглядеть, пострадал Пророк или нет. Лунный свет, пробивающийся из окна, лишь слегка высвечивал его силуэт. Он спокойно и молча сидел на кровати. Я не могла уйти, не удостоверившись, что с ним все в порядке. Поэтому шагнула ближе и, подчиняясь какому-то безумному порыву, опустилась перед ним на колени.

- Женя, ты не пострадал? - мой собственный голос показался незнакомым - непривычно испуганным и дрожащим. От волнения я даже не заметила, что впервые называю его по имени.

Он почему-то вздрогнул и медленно, будто раздумывая, говорить или нет, протянул:

- Са-аша, скажи мне, почему ты такой?

- Какой?

- Жаркий. Ты, как этот пожар, теплом меня обдаешь. Я прямо физически чувствую это твоё сияние. И это - сумасшествие, бред, и это - противоестественно и мерзко, но меня к тебе тянет безумно, как если бы ты был...

Он замолчал, а я замерла оглушенная. Против воли мое сердце затопило безудержное счастье! Я пыталась! Я, действительно, пыталась промолчать. Смотрела в его лицо в полутьме воняющей гарью комнаты и не могла сдержаться.

- Женщиной? - подсказала, проклиная себя за слабость.

- Да-а...

Я, как в замедленной съёмке, видела его руку, осторожно тянувшуюся ко мне. Я боялась и желала больше всего на свете этого прикосновения. И когда пальцы коснулись моей щеки, мы синхронно дернулись и испуганно отшатнулись друг от друга. Мне почудилось, что все мои нервные окончания, все рецепторы, вдруг необъяснимым образом сползли со всего тела в эту конкретную точку. И это было до боли приятно - чувствовать его так ярко, так близко.

Я не знала, как выразить словами свои эмоции. Я не могла понять, нужно ли что-то говорить сейчас или лучше уйти, пока ещё моя тайна не открыта. Но уйти я не могла - все во мне восставало против этой мысли. А тут еще он склонился, приблизил лицо ко мне так, что я могла чувствовать его теплое дыхание.

В серебристом свете луны он казался мне сказочно красивым. Особенно губы... Такие манящие, такие чувственные, такие... словно под гипнозом, я положила руку на его затылок и, не встретив сопротивления, притянула голову к себе, осторожно коснувшись этих губ своими.

И руки мои дрожали, и дыхания не хватало, и я совершенно не знала, что делать дальше. Знала только, что не хочу отстраняться, хочу еще и еще пить его дыхание, ощущать этот его жар, и бешеное биение сердца, и руку на своем лице, которая, чуть касаясь подушечками пальцев, побежала по скулам, щекам, скользнула по подбородку и, на секунду оторвавшись, оказалась выше, провела огненные полосы по лбу, бровям.

А потом он отстранился, и я подумала, что перегнула палку, что нужно бежать, пока не поздно. И, вскочив, развернулась ... но ни шага к двери сделать не успела. Я была настолько взбудоражена своими чувствами, настолько ошеломлена, что не поняла, как так случилось, что вдруг не бегу изо всех сил по коридору, а сижу у него на коленях!

- Куда? Я не закончил, - хриплым низким голосом, прерывисто, будто только что пробежал стометровку, а не просто сидел на кровати, сказал он. - Не мучай меня! Скажи! Иначе я буду вынужден проверить.

- Что? Зачем? Да какое ты имеешь право? - я дернулась в его руках, пытаюсь вырваться, но он держал крепко, и я, конечно, могла использовать свои способности, но не с ним,

не против него... а потом, не дождавшись ответа, как в омут с головой бросилась. - Да! Да! Я не мужчина! Но что тебе до этого? У тебя же невеста!

Я сама слышала ревность в своих словах! А уж он точно понял, что я ревную его безумно... Только вдруг Женя, запрокинув вверх лицо, расхохотался.

- Ну ты даёшь! Обалдеть! Невероятно! Нет, ну как это возможно? Как тебе удалось всех обмануть? Хотя, нет, ничего не говори пока! Позволь мне... я уже вторую неделю с ума схожу... позволь я рассмотрю тебя!

- Как?

- Просто сиди спокойно. Когда я трогаю что-то, я очень реально это себе представляю. Лицо... хочу потрогать твоё лицо... Саша.

Я тяжело вздохнула, поерзав на его коленях и услышав неожиданный сдавленный стон. Ну раз уж призналась в одном, то и другое нужно сказать.

- Только ребятам не говори, ладно? Меня не Сашей зовут.

- Та-а-к! А как?

Не знаю, почему для меня это было важно - чтобы именно он знал мое настоящее имя, нелюбимое, ненавистное, слабое... но я очень хотела его сказать и, в который раз за последние несколько минут, не могла сдержаться.

- Милана.

- Ого! Красиво! Очень, - а потом, будто бы пробуя на вкус, по слогам, ласково протянул. - Ми-ла-на... Иди ко мне...

Последние слова на выдохе, медленно, сладко... И я, как мотылек на огонь, замороженная, загипнотизированная этим волшебным голосом, повернулась к нему.

И снова по лицу полетели лёгкими касаниями, горячими ломаными линиями его нереально чувственные пальцы. И это было... чудесно? Я забыла все слова, прочитанные в книжках, которые можно было бы использовать для описания своих эмоций в тот момент. Просто чувствовала, закрыв глаза, как он ласкает мою кожу, именно так воспринимались лёгкие прикосновения, и кусала губы, чтобы сдержать рвущиеся из груди неприличные стоны.

Он стянул с моей головы вечную бандану и осторожно, неторопливо, но очень тщательно, обследовал мои короткие волосы, потом скользнул ниже, обрисовав контур ушей, и дальше - на шею.

- Ты знаешь, какая ты? - спросил жарким шепотом, уткнувшись лицом в мои волосы на виске и, не дожидаясь ответа, продолжил. - Ты сияешь для МЕНЯ, я знаю, я чувствую. Ты тянешься ко мне подсознательно, ментально. И я с ума схожу от этого и оттого еще, что сам также к тебе... Ты очень красивая. Ты - моя. Для меня. Никуда не отпущу. Никому не отдам... Почему, почему не сказала сразу? Зачем изводила меня? Я уже был готов, честное слово... Да-а, конечно, это было бы трудно, но... не знаю, как, но не отпустил бы в общем все равно, даже если ты была бы мужчиной. Я уже решился! Представляешь?

Он говорил серьезно. Я видела, я верила, что именно так все и есть, что он, действительно, так чувствует! О, никогда и никто не говорил мне таких слов! А сейчас! И кто? Человек, к которому я сама равнодушна! Тот, при взгляде на которого замирает сердце. Тот, кто снится каждую ночь! Нереально! Может, я сплю сейчас?

Неожиданно в дверь постучали, и я попыталась соскочить с его колен, чувствуя, как краска стыда заливает лицо. Но он снова потянулся следом, ловя за руку, притягивая меня, сопротивляющуюся, ближе.

- Никто не войдёт без разрешения, не бойся. Не уходи!

Да, но Давид итак меня недолюбливает, и если увидит сейчас в комнате Пророка... Я говорила шепотом:

- Представляешь, что они подумают о нас?

- Мне все равно.

- Но мне нет! Как я буду учить их, если обо мне станут думать невесть что?

- Ладно. Если ты так хочешь! - он повернулся к двери, не позволяя мне отодвинуться. - Давид, иди спать, ты мне сегодня не нужен!

- Пророк, тут такое дело... в общем, тебе, наверное, нужно взглянуть самому.

О-о, я сразу же представила, как сейчас открывается дверь, и Давид видит меня, прижатую сбоку, буквально впечатанную в Женино тело! Нет-нет, только не это!

- Отпусти сейчас же! - прошипела, отчаянно вырываясь.

И заметалась по комнате, ища укрытие, всей кожей чувствуя его непонимание и обиду. Но кроме кровати здесь особо-то и некуда было спрятаться. А она без обгоревшего покрывала неплохо просматривалась сверху-донизу.

- Слепой, - вновь донеслось из-за двери. - Дымом воняет. У тебя там что случилось? И ты... ты не один что ли?

Все пропало! Он догадался! Я было попыталась все-таки залезть под кровать, но Женя остановил:

- Сумасшедшая, прячешься что ли? - весело ему видите ли! - Давид, у меня все в порядке. Я сейчас приду. Сам. И да, я не один. Так что, будь добр, свали, нечего смущать... хм, мою девушку!

А потом, обращаясь ко мне, указал на кровать и сказал приказным тоном:

- Сидишь здесь и ждешь меня. Я вернусь, и мы поговорим. Как это "сидишь здесь"? Там же Зверь один! И ребята не знают, где я! И вообще, я как-то не готова...

- Но...

- Найду же все равно.

...Он просил сидеть и ждать. И пока он был в комнате, я свято верила, что нужно делать именно так, а не иначе. Но, как только за Женей закрылась дверь, я возмутилась - постоите, кто дал право мною командовать? Хотя да-а, его признания грели душу. Но ведь невеста же! А вдруг невеста - само собой, а я - постольку-поскольку, для удовлетворения физических потребностей? Да и как так? Разве так бывает,

чтобы вот так, почти ничего не зная друг о друге, не видя меня, наконец? Не-е-ет, он что-то напутал! Или? Или, может, говорил так, чтобы в постель затащить? Ведь до этого, разве замечала я какие-то чувства по отношению ко мне? Найдешь меня? Ну-ну, найди!

15.

Как же невовремя приперся Давид! Как же уходить не хотелось! А чего хотелось? Хотелось быть рядом с ней. Хотелось трогать. Потому что это просто безумно приятно. Это... ни с чем, ранее встречавшимся в моей жизни, несравнимо... Хотелось говорить с ней. И, может быть, если она позволит, конечно... нет, не секс, она не такая, чтобы сразу... Но еще немного поласкать, насладиться, напиться ее такими чистыми, сладкими эмоциями, такими теплыми, ласковыми.. Хотелось удостовериться в том, что он... а-а-а, она, то есть, сказала правду. И я знал только один верный способ сделать это! Очень приятный способ!

Не укладывалось в голове. Невозможная! Сумасшедшая! Зачем? Что изменилось бы, если бы я знал, что она девушка? Если бы мои бойцы знали? Конечно, женщинам - беспомощным и слабым, трудно жить в наше время. И если смотреть под этим углом, ясно, что порой для прикрытия, для спасения, им легче было бы притворяться мужчиной. Но Сашу... а-а-а, Милану конечно, никак не назовешь слабой и беспомощной! Она же с любым из моих ребят запросто справится! Наоборот, меня вдруг потрянуло от понимания всей ситуации, если бы я знал, ей бы повсюду выделялась отдельная комната, а не приходилось, блядь, спать с моими бойцами... А если бы кто-то понял? А если бы попытался изнасиловать?

Хотя, попробуй с нею справишься...

Потом подумал, и мысленно добавил - поначалу у нее была бы отдельная комната, но потом... потом-то точно спала бы в моей! Если бы я знал, я давно бы уже не сдерживал свои желания! Но, наверное, именно эта ее сила, ее мастерство, ее умение драться и сбили меня и остальных с толку. Ну кто в наше время учит баб сражаться? Никто. Так, плавно, пока выходил из здания, мои мысли соскользнули на Монаха. На ее отца. Что он там говорил про мою благосклонность? А вдруг? А вдруг он... знал, что так будет? Вдруг он знал, что она мне понравится?

Я даже остановился посреди коридора. А если... а если это - подстава? Если она - ловушка для меня? Ведь это именно Монах мне про невесту сказал! Е-мое!

Захотелось развернуться и броситься назад в комнату, потому что единственный человек, который мог мне прояснить сейчас ситуацию, находился там. И я развернулся, но не успел...

- Пророк, быстрее, там ребята диверсанта поймали!

Давид, видимо, не дождавшись меня, вернулся, чтобы поторопить. А я, сбитый с толку, но чувствовавший, что что-то не так, что какой-то важный момент упускаю, скорее интуитивно, чем продуманно, попросил:

- Давид, у меня в комнате сидит Саша. Замкни его, забарикадируй, делай, что хочешь, только не выпускай до моего прихода, - и, понимая, что он хочет что-то сказать, добавил.

- И ни о чем его не спрашивай!

- Хм, как скажешь.

Я, конечно, слышал насмешку в его голосе. И меня это задело. И если бы не спешка, я бы так этого не оставил. Но пришлось молча развернуться, и, пообещав себе все-таки разобраться с Давидом после, быстро зашагать на выход.

- Пророк, - навстречу бежал Алан. - Сюда иди!

За нашей машиной прямо на земле лежал человек, прижатый к земле Беркутом. Жутко испуганный, избитый, совсем еще молодой мальчишка - это я "видел" очень хорошо.

- Обследовать территорию. Он здесь, скорее всего, не один! Алан? Поднимай всех! Быстро! - и уже обращаясь к своему бойцу. - Что он сделал?

- Пророк, - в голосе Беркута явно слышалась вина - его пост был именно здесь, возле машин. - Я не знаю, как он мог пройти. Ты знаешь, я пост не покидаю никогда. Но в какую-то секунду тень заметил за машиной. Он шины проткнул и, кажется, что-то ещё под днищем делал. Может, взрывчатку заложил?

- Давайте, на всякий случай, подальше отойдем. Вдруг рванет? - Степка испуганно покосился на машину.

- Ведите его в здание.

Я пошел первым, а мои бойцы сгребли диверсанта и потащили за мной. В большой комнате, освещенной керосиновой лампой, кинули безвольное тело на пол.

- Посадите его на диван, - он был в сознании, это я четко "видел", но притворялся будто бы без. - Приводим в сознание.

- Как?

- Палец отрежь ему.

Парень тут же "очнулся" - открыл глаза, испуганно озираясь по сторонам.

- Откуда? Кто такой? Цель? Сколько вас?

- Меня убьют, если скажу.

- Тебя убьют в любом случае. Но есть шанс сильно не страдать перед смертью. Отвечай!

- Ты - Пророк?

- Здесь я задаю вопросы.

- Хотел увидеть тебя. У нас говорят, что ты - горбатый слепой урод и питаешься человеческим мясом. Я из Москвы. В первый раз взяли в разведку. Говорил отец, что рано мне ещё, нет же, идиот, сам попросился с ними!

Беркут не выдержал:

- Охренеть ты разговорчивый, мутила!

- Тихо. Кто отец?

- Земцов.

- Что-о-о? - вскрикнул я одновременно со своими бойцами.

- Я так понимаю, шанс выжить у меня сейчас все-таки появился?

- Ты ж сказал, тебя убьют, если расколешься?

- Соврал, конечно... Ну, а вдруг ты бы начал уверять меня в том, что вы людей не убиваете? Не-е, меня не убьют. Наоборот, хочешь, отец на меня поменяет твоего странника и ещё какого-то разговорчивого шпиона - он расколол их недавно.

Наглый. Уверенный в себе. Но боится. Боится, но разум при этом от страха не теряет.

- Имя?

- Егор Земцов.

- Что ты делал под машиной?

- Ну очевидно же - вывел из строя, чтобы основную группу поймать не смогли. И не только ту тачку, возле которой поймали, вторую тоже успел!

Он был доволен собой. И в моей голове мелькнула мысль, что вполне вероятно - он специально подставился. Знал, что убивать сына Земцова никто в здравом уме не станет - слишком велик козырь на руках! А зачем? Для чего? Разберусь... Та-ак, но мои-то бойцы - красавцы! Куда смотрели? Он успел обе машины вывести из строя!

- Беркут, ты за это ответишь! - но потом, конечно, ответит, без свидетелей. - Та-ак, цель остальной группы?

- Хм, не скажу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.